

Рина Белолис

ЧЕЛОВЕК
ЗА РОЯЛЕМ

Ленор умеет читать мысли людей, однако нема. Это не помешало ей стать выпускницей частной женской школы. Однако, приехав домой, она понимает: хозяйкой её здесь никто не считает, а госпожой принято называть переехавшую сюда после смерти брата тётушку. Также, с ней увязался и сын дворецкого, мысли которого она не может прочесть. Так или иначе, в ближайшее время ей необходимо оставаться милой девочкой. И, пока война за имение отложена на неопределённый срок, Ленор решает узнать, почему мысли именно этого человека не подвластны чтению...

---

1. Двуличие

Нанятый моей тётёй дилижанс слишком быстро направлялся к моему дому. Дому, который я не видела слишком давно, а точнее — около пяти лет. Пять лет, впустую потраченных в charm school*. Теперь я точно знаю, как правильно общаться с гостями, какие обращения использовать на немецком и французском, как стоит класть на стол приборы и какие композиции к какому случаю обязательно играть на фортепиано. Цена за всё это — лишь моя свобода и мой дом. Хотя официально, он всё ещё принадлежит мне и моему брату, и бумага свидетельствующая об этом лежит в одном из карманов моего платья, но, всё же, уже успевшему жениться на столичной красавице Гидеону Расселу было абсолютно плевать на оставленное имение, в небольшом городке неподалёку от столицы. Благодаря делу отца, он с лёгкостью заработал на новый, более роскошный дом. К сожалению, Гидеон не имел привычки писать письма любимой сестре, поэтому о том, есть ли у этого дома наследники, я не знала.

Наконец, один из чемоданов уложенных рядом, упал прямо к моим ногам. Мы резко затормозили. Стало быть, я уже дома. И увиденное меня разочаровало. За те пять лет, которые я провела за бесполезным изучением «женских наук», из этого места сотворили ад. Не было больше такого любимого моим отцом английского сада — вместо него садовник уверенно придавал одному из деревьев форму непонятного животного. Это петух или жираф? Говорят, ни то, ни другое не в моде. Тогда с чего вдруг моей тётушке заниматься этим? Но если бы сад был самым худшим, что я увидела... Всё поместье померкло, стало тёмным пятном, на фоне которого выделялся только сад — да и тот из-за осеннего времени года не блистал яркими красками. Стало быть, из одной тюрьмы меня перевезли в другую.

Около входа меня уже ожидала моя тётушка. Миллисент Гест, урождённая Рассел. Приблизившись к ней на расстояние около метра, мне в голову тут же врезались её мысли. Как же она меня ненавидит. Она жалеет, что я приехала так рано. Конечно, мне нужно было ещё полгода прослonyться по столице, занимаясь невесть чем (в идеале самыми порочными делами, дабы, в следствие плохой репутации, я лишилась имения, принадлежавшего мне по праву), а потом приехать в середине мая просто для того, чтобы выгулять все свои платья на сезонных приёмах, очаровать одного из богатых гостей и через год-два, под свадебные колокола, убраться отсюда как можно быстрее. Не выйдет, Миллисент. Я умею читать мысли людей. И я знаю, что ты ненавидишь меня. Но я не уеду отсюда. Я приехала, чтобы остаться навсегда.

Пока мои чемоданы доставляли в прихожую, я уже устроилась в одном из кресел, рядом с небольшим столиком для чаепитий. В чайнике дымился уже заваренный чай, а рядом с одной из чашек, даже неожиданно для меня, лежали несколько листов бумаги и чернила. Как интересно. Она не забыла о моих особенностях. Всё это для меня, я уверена. Так твердят правила этикета. И она, будучи внешне мягкой и заботливой, с радостью исполнит их для отвода глаз.

— Добро пожаловать домой, дорогая племянница, — улыбаясь, женщина взяла в руки чайник и налила мне почти полную чашку. Не нужно быть чтецом мыслей, чтобы по её взгляду понять то, что в этом доме, если хозяйкой станет она, принадлежать мне будет

только койка, плитка, и, в лучшем случае, платье гувернантки.

— Благодарю Вас за радушный приём, — я быстро писала на бумаге, несмотря на то, что могла просто кивнуть. Пусть знает, что я не ищу лёгких путей. Да, я нема. Наверное, это проклятье досталось мне в обмен на дар читать мысли. Я не знаю ни единого звука, ни единого слова, которое я могла бы произнести. У меня нет голоса с рождения. Но это — мелочь. Сказать можно многое. Можно стелиться речами и цитировать Шекспира каждой второй, будь ты ловеласом. В мыслях же заключены настоящие чувства, настоящие слова. Ведь люди думают, что могут спрятаться лишь там. И, пока они думают, что их голова — дом без окон и дверей, я пробираюсь туда призраком. И это доставляет мне удовольствие. Всегда интересно смотреть на людей, что врут тебе в лицо, при этом зная всю правду. Люди врут всегда. Наше общество — это лицемеры, прикрывающиеся этикетом. Зубоскалить умеют все. Сказать тебе в лицо то, что думают на самом деле, не прикрываясь этическими нормами — единицы.

— Я рада, что ты приехала к нам так рано. Надеюсь, за эти несколько месяцев ты снова почувствуешь себя здесь как дома. Конечно, мне пришлось что-то изменить, а что-то добавить. Уверяю тебя: каждый уголок этого дома сделан по последней моде. Ты молодец, что приехала в этом полугодии. Мы с Бернардом, твоим дядюшкой Эдмундом, детьми и воспитанником хотели отметить Рождество в Индии. Говорят, в этом году будет холодно, поэтому мы решили немного изменить традицию празднования. И, самое главное: в этом году с нами можешь поехать ты. Конечно же, если захочешь. А в мае, думаю, мы начнём разъезжать по домам моих подруг. Я уверена: на такую хорошенькую девушку как ты, да ещё и с прекрасным образованием, будут засматриваться многочисленные кавалеры, при том не самые бедные.

— Наверное, я переусердствовала. Кто её, немую, возьмёт? Девушка должна уметь поддерживать беседу. Эта же её не начнёт вовсе. И о Рождестве нужно было промолчать. Ничего, скажу, что документы потерялись чисто случайно. Без билета на борт корабля может и возьмут, но не без документов. Да, определённо выход, — я слышала каждую её мысль, чувствовала каждую каплю ненависти ко мне и страха, что всё это так быстро раскроется.

— А если не выйдет, в чём я очень сомневаюсь, — отпив пару плотков, тётушка продолжала свою гордую речь. — Ты останешься в этом доме и будешь гувернанткой для моих детей, до следующего сезона. Думаю, ты сможешь скопить достаточно денег для того, чтобы... воплотить свою мечту. Помнится, до отъезда в charm school ты так хотела поехать в Новый Амстердам!

Может мне её ещё и госпожой Гест называть? Гувернанткой в собственном доме?! Почему я не удивлена. Конечно, Миллисент, ты захочешь прибрать к своим ухоженным ручкам наш дом, потому что продала свой и половину суммы спустила на оплату карточных долгов своего мужа, а дядя Эдмунд показал тебе слишком неприличный жест, но весьма красноречиво утверждающий, что ты ничего не получишь. Не получится. В этом доме госпожой может быть одна. И это Ленора Рассел, дочь и полноправная наследница Гилберта Рассела.

— Да, вы правы, так будет намного лучше. А пока я просто буду использовать деньги, оставленные мне моим отцом. Мне ведь нужно на что-то жить. Поэтому, пожалуйста, будьте любезны, выдайте мне завтра половину суммы, — я снова писала быстро и тут же показала свою рукопись тёте. Я почти наверняка знала, что эти деньги улетели туда же, куда и

половина суммы за её родной дом. Но, конечно же, она захочет спровадить меня из этого дома без скандалов. Поэтому ответ можно было предугадать и без чтения мыслей. Однако, мне захотелось доказательств.

— Она вспомнила о деньгах. Там и трети суммы не накопится. Нужно сегодня же ехать к Летисии, иначе эта девчонка догадается обо всём раньше, чем я сплавлю её сыну Гарриет, — мои опасения подтвердились. Я понятия не имела, кто такой «сын Гарриет», но, судя по её горячей ко мне любви, не самый порядочный человек.

— К сожалению, я не хочу выдавать тебе даже половину суммы, — она снова улыбнулась, потягивая чай. — Ленор, моя любезная племянница, ты не была в городе даже чуть больше, чем пять лет. И сейчас, думаю, попав на ярмарку, ты тут же растратишь все деньги на мелочи, которые тебе абсолютно не нужны. Только лишь потому, что давно не видела такого огромного выбора. Я выдам тебе то, что ты требуешь в канун Рождества. А до этого всё буду оплачивать я, этот долг ты потом мне вернёшь. Пойми, я лишь забочусь о тебе и твоём состоянии.

Конечно же, ты заботишься о нём. Скорее всего, это твой последний капитал, на случай, если дело твоего мужа внезапно прогорит. А оно уже на грани.

— В таком случае, будьте добры, за каждую вещь, которую я приобретаю для себя и, по вашему мнению, она должна быть включена в мою сумму, присылайте мне чеки и расписки. Я не хочу оставаться у родной тётушки в должниках, — я понимала, что играю по её правилам. Я тоже лицемерю. В каком-то смысле. Но в этой игре я могу выиграть лишь когда приму все её правила на себя.

— Хорошо. Надеюсь, ты понимаешь, что все мы желаем тебе только самого лучшего, ведь ты ещё такое дитя и столькому можешь научиться. У тебя впереди столько балов, столько приёмов, столько платьев и женских причуд. И я буду счастлива дать тебе всё это.

— Нет, спасибо, разрешите забрать дом и вышвырнуть вас отсюда, — пронеслось у меня в голове. Возможно, я взяла бы на воспитание Лукаса и Энни, её детей-близнецов. Но не больше. Они не виноваты в том, каким стал их отец и что сейчас творит их мать.

— Могу ли я пройти в свою комнату? — будто проигнорировав фразу о беспокойстве, написала я.

— Конечно же. Пойдём вместе, — это звучало так радушно, что мне стало гадко на душе. Отвратительная особа.

Но всё это меркло пред тем, что я наконец-то увижу свою комнату. Наконец-то. Это единственное, что я хотела увидеть всё это время. В пансионе у нас не было собственных опочивален — только комнаты на два человека. Мне попалась весьма неплохая соседка. У неё я даже успела кое-чему научиться, но, всё-таки, ничто не заменит родную комнату, с родной кроватью и простынями, которые даже пахнут как-то по-особенному, породному.

Не помня себя от счастья, я побежала на второй этаж. Иногда я даже забывала придерживать руками платье и особенно тот карман, в котором ютилось завещание отца. Мне было всё равно. Я просто летела на крыльях счастья, не замечая ни мыслей своей тётушки, ни того, что наверху кто-то играл на рояле. Кажется, звук доносился из моей комнаты. Радушный приём? Нет, для Миллисент это слишком. Тем более в моей комнате нет рояля — туда он не помещается.

Все мои сомнения развеялись, как только я распахнула дверь. Но увиденное заставило меня удивиться больше, чем сад, состояние дома и поместья в общем вместе взятые. В моей комнате сидел абсолютно неизвестный мне молодой человек, весьма неплохо одетый и даже

ухоженный. Он играл на рояле, но, как только я так своенравно открыла дверь, прекратил. И, помимо того, что этот юноша делает в моей комнате, вопрос меня интересовал только один: как в мою комнату поместился рояль?

— Твоя детская комната пустовала, и я решила, что по прибытии тебе, как совершеннолетней взрослой девушке, имеет смысл переехать в другую комнату. Эту же я отдала моему воспитаннику, Чарльзу Блейку. Помнишь моего дворецкого? Он был со мной всегда и везде, к тому же, так часто выручал, что, когда перед смертью он попросил приютить его сына, дабы тот не остался сиротой, я просто не могла отказать, — она начала говорить достаточно быстро, будто волнуясь, но едва ли это скрывая. Впрочем, в том, что она любила сына своего дворецкого (а я буду верить, что этот не их общий) по-настоящему. В её мыслях проскользнуло «милый». В любом случае, его она любит больше, чем меня. Плохо это или хорошо, я не знаю: она никогда не заботилась обо мне по-настоящему.

— Чарльз Блейк, — молодой человек решил, что самое время представиться. — Воспитанник госпожи Гест.

— Чарли, это Ленора Рассел, дочь моего брата, который владел этим домом, — тут же вступилась тётушка. Посмотрите, какая забота. — Она нема с рождения.

— Приятно с Вами познакомиться, — он дёрнул руку, чтобы, скорее всего, взять мою и поцеловать, но, видимо, противным, укоризненным взглядом, тётушка указала, что делать этого не нужно. И правда, это не было частью правильного этикета. Не тот случай, чтобы целовать руку.

Он должен был это знать, ведь он воспитывается Миллисент, а, значит, должен был усвоить этикет уже давно.

Может, он не знал?

Я посмотрела на него, пытаюсь понять, что у него в голове. Чувствует ли он стыд? Не потерял ли он своего достоинства? И... Как я ему? Всё же, в одном доме нам придётся жить ещё достаточно долго.

Однако, пустота. Пустота, в которой, кажется, нет дна, начала или конца. Я просто не могу понять, что в его мыслях. Я... Я не могу прочитать то, что он думает. Как это? Впервые в жизни я не могу сделать это. Это невозможно! Может, что-то не так?

Я перевела взгляд на тётю и прочитала её мысли. Ненависть и некоторая неловкость. Всё в порядке, моя сила всё ещё при мне. Тогда почему мысли этого Чарльза я не могу прочитать? Почему именно его?

— Ленор, дорогая, нам нужно посмотреть твою комнату, — тут же одёрнула меня Миллисент, хватая за руку.

— Был рад с Вами познакомиться, — он радостно поднял руку, будто прощаясь и улыбнулся. Что-то мне подсказывало, что это — единственная частная улыбка за сегодня.

В любом случае, с этим мне предстояло разобраться позже. Я просто пошла дальше по коридору и прошла в любезно открытую тётушкой дверь соседней комнаты. Мои чемоданы уже стояли около кровати, сама кровать казалась весьма мягкой, шкаф большим, а стена... В стене красовалась дыра, ведущая в соседнюю комнату, судя по всему, прорубленная для не помещающегося рояля...

---

* — private schools for girls, boarding schools for noble girls

2. Наглость

— Ленор, дорогая, просыпайся! Уже утро! — в дверь отчаянно стучала моя тётушка, норовя услышать от меня хоть какой-то ответ. Учитывая то, что я не могу сказать ни слова, мне пришлось открыть глаза, затем — медленно подняться и подойти к письменному столу. Кажется, на этой новой кровати я отлежала себе один бок. Это мешало быстро наклониться и написать хотя бы одно слово на листе бумаги. А ещё мои глаза всё ещё оставались залипшими и сонными.

— «Я уже встала. Спасибо за то, что потрудились меня разбудить», — помня о приличиях, я правильно расставила все знаки препинания и, несмотря на пару клякс, сунула записку под дверь. Всё же, присутствовала память о том, как нас отчитывали за малейшее несоответствие правилам приличия и грамматики. Теперь, разбуди меня хоть в час ночи, я точно буду знать, как правильно писать и где ставить запятые, а где — правильное обращение.

Затем, последовал самый трудный этап. Вчера, поняв, что устала от всего произошедшего за день, я попросилась принять ванну и заснула мёртвым сном, оставив позади не только ненависть тётушки, но и мысль о том, что-то, что у этого Чарльза в голове, прочитать невозможно. Но сегодня я вспомнила об этом вновь.

Впрочем, пока что моей самой большой проблемой были платья. Более-менее опрятно выглядело то, в чём я приехала и то, что я успела взять из чемодана на сегодня. Кажется, сегодняшнее свободное время я определённо потрачу не на письмо бывшей соседке по комнате, а на «обживание» комнаты вещами.

Я стала медленно одеваться. Ночная рубашка оказалась на стуле, а на мне — тугой корсет, нижнее бельё. Оставалось платье. Но, как бы я ни старалась, застёжка прикреплённая к ткани расстёгиваться не намеревалась. Это раздражало меня настолько, что я не могла сдержаться, и, будь у меня голос, об этом узнал бы уже весь дом.

Однако, кое-кто, всё-таки, предпочитал себя не сдерживать.

— Ай! — где-то под роялем послышался тихий шепот. — Рука затекла.

Кажется, тот, чьи мысли невозможно прочитать, пользовался этим так бесстыдно, будто это было прописано в законах дома. Теперь я понимала, для чего эта потрясающая дыра в стене. Извращенец! Ну, ладно бы подсматривать за прислугой. Но за мной зачем? Разве он не знает, чем это должно закончиться? По всем канонам, я могу обвинить его и больше никогда с ним не заговорить или даже не обратить на него внимания. А ещё сказать дядюшке Эдмунду, что этот наглец себе позволяет. Конечно, эта мера для меня последняя, но откуда ему об этом знать? Вдруг я их тех барышень, которые чуть что — сразу же бегут жаловаться к родне?

Но я не из таких. Поэтому, пританцовывая в ритме вальса, я направилась к столу, затем, написав пару строк, скомкала лист и, подойдя к роялю, резко закинула под него.

— Эй! — выкрикнул он, без каких-либо намёков на этикет. Послышался громкий звук разворачиваемой бумаги и тяжёлый умозрительный скрежет шестерней в его голове. Неужели, он и правда не в курсе о том, как себя нужно вести?

Подглядывать за хозяйкой дома? Идиот.

Пара секунд ожидания ответа на вопрос, заданный в скомканном снежке бумаги — и

прямо под роялем показалась голова этого наглеца. Немного сонные большие глаза, как бы выразились в женских романах, «цвета орешника», выражение лица явно без тени сожаления и тёмные, растрёпанные, сбитые в чёрную паклю, волосы.

— Не мог не ответить на ваш вопрос, так бесцеремонно заданный прямо в моё лицо. Ваши ножки и правда весьма неплохи, — нет, ну вы посмотрите на него, ещё и улыбается! Сморозил такую чушь, несмотря на то, что вопрос был, можно сказать, риторическим и... улыбается так, будто сделал лучшую вещь в своей жизни. Да если бы не то, что я немая, да если бы... Я бы высказала ему всё: от того, как это неприлично до первых пяти статей поведения джентльмена (а, не сомневаюсь, Миллисент хочет сделать из него именно такого). Я ещё раз посмотрела на его лицо. Теперь ясно, почему я не могу прочесть его мыслей: он говорит абсолютно всё, что думает. В этом-то уже сомнений у меня не было никаких. Честное слово, будто прибыл из какого-то другого века, где не существует норм этикета и даже банального приличия.

— Однако, не мог не заметить, что ваше личико тоже вполне себе ничего, — этот нахал безбожно продолжал сыпать, по его мнению, комплиментами.

Мне больше ничего не оставалось. Ещё вчера я заприметила стоявшие на «моей» части рояля цветы в вазе.

— Ну, берегись! — мелькнуло в моей голове, когда я взяла в руки вазу. Сейчас он поплатится за всё. Это определённо отучит его подсматривать, во всяком случае за полноправной хозяйкой дома и просто приличной девушкой.

— Ну, что вы, разгорячились. Я всего лишь хотел ещё раз взглянуть на произведение искусства, — несмотря на состав того, что он говорил, я не знала, что мне хочется сделать больше: вылить на него холодную воду из вазы или же разбить её о его голову.

— К сожалению, вам стоит одеться. В скором времени нужно будет спускаться к завтраку. Я знаю, что здесь девушкам не пристало опаздывать к столу, — с этими словами его голова исчезла в, кажется, бесконечном расстоянии между нашими комнатами. Только подойдя к зеркалу, я поняла, что всё ещё не надела платье. Я всё ещё в нижнем белье и корсете. Какой позор! Первый мужчина, не считая дворецкого, увидевший меня в белье. Если бы мама была жива, она бы отчитала меня со всей строгостью. Это не то, о чём я мечтала. А как же «узнать друг друга»? Во всяком случае, если уж Чарльз и покушался на моё тело хотя бы взглядом, то определённо должен был узнать хоть немного обо мне. Иначе это поступок, не достойный воспитанника хорошей семьи.

В скором времени мы спустились к завтраку. Бернарда не было, и мысли тётушки подтвердили мои догадки. Она считала, что он снова отправился в казино, разорять оставшуюся часть семейного бюджета, и, скорее всего, моего. Хотя я до сих пор не могла понять, почему Миллисент не разводится с ним или хотя бы не уговорит. Всё же, развод обошёлся бы дешевле, чем постоянная тяга к азартным играм. Может, тётя и правда любит его? Если это так, то моё сочувствие к ней сольётся в едино с некоторым уважением. Я не знаю того, почему это произошло. Но, если она настолько сильно любит его, что прощает даже такое расхищение «домашней казны», значит, что-то должно было произойти, за что она его полюбила. Это же не рождается просто так, правда? Люди не могут полюбить друг друга просто потому, что они... есть. Они же должны за что-то цепляться. Что-то, что помогало бы им укреплять их любовь. Тем более речь идёт о тётушке.

О любви я размышляла вплоть до вечера, когда безжизненный сад заполонили разговоры посетивших наш подружек Миллисент. Я сидела не так далеко от них, пытаюсь

написать хотя бы строчку, однако их мысли меня сбивали. Слова были не лучше.

Насколько я могла их понять, миссис Лайт рассказывала о прочитанном утром в газете. Одна из наследниц владельца центрального банка, будучи буквально за шаг от алтаря, сбежала с тем, кого знала всего лишь около недели.

— Недопустимо! — с упоением говорила Лидия Штайн, расписывая по пунктам то, с чем не столь юная, но всё же нарушившая этикет женщина, виновата.

— На её месте должна быть я, — читала я в её мыслях, понимая, что она сделала бы также. Ей, как и остальным, в сущности, было плевать на тот хвалёный этикет, которым всё то же общество прикрывалось. Всё, что они делали, напоминало кукольный домик, который был у меня в детстве. Каждая комнатка всегда была чистой и ухоженной, каждый наряд куклы был аккуратно повешен в шкафчик, а шляпки располагались наверху. Её макияж был идеальным, а со своим «мужем» и «детьми» она общалась премоило. Потому, что всё это не настоящее. Они никогда не воспользуются посудой потому, что им не нужна еда. Они никогда не будут ссориться, потому что девочкам интереснее видеть романтику и устроенную семейную жизнь, чем ссоры и подпольные игры.

И этим женщинам тоже. Почему-то им хотелось идеальной жизни, хотя все знали: идеала не существует. Этикет помогает нам правильно вести себя и не задавать лишних вопросов, когда дело касается той или иной ситуации. Но, в то же время, прикрываясь им, люди начинают заботиться о тебе, зубоскалить и спрашивать, хорошо ли ты чувствуешь себя сегодня. Готова поспорить, большинство тех, с кем я общалась, за моей спиной тайно мечтали о том, чтобы чувствовала я себя плохо. Увы, застать их при мыслях об этом, я не успевала.

И всё же, они все лицемерны. И слабы. Слабы потому, что не могут сказать правду. Они боятся правды по совсем непонятной причине. Но ведь есть та правда, сказав которую, жить становится намного легче. Да, иногда она неприятная и взрывает весь этикет, все нормы поведения, но... В таком случае человек срывает с себя маску и отношения становятся лучше. Во всяком случае, должны.

— Кажется, единственный, кто не скрывает своих эмоций и настоящих мыслей — это Чарльз, — в голове снова всплыл утренний конфуз и мой позор. После этого, за завтраком, этот юноша не гнушался смотреть на меня и... снова улыбаться. Так сильно, что, казалось, уголки его рта вот-вот разорвёт. К вечеру же он предпочёл уединиться у себя в комнате и музицировать. Стало быть, тётушка и правда любила его настолько, что позволила затащить рояль на второй этаж. Наверное, это сродни любви к родному сыну. Хотя, несмотря ни на что, её близнецы находились рядом с ней.

Ближе к ночи, горничная принесла мне новую лампу. Я наконец-то села за письмо. По идее, освещения должно было хватить. За весь день я не написала ни строчки, кроме «Дорогая Роза». Однако, и в этот раз меня ожидал весьма неожиданный поворот событий, заставивший снова забросить написание письма.

Даже едва слышные звуки рояля, громкость которых, в силу запрета на такого рода звуки, уменьшил Чарльз Блейк, затихли. Я слышала, как работают огромные ножницы для обрезания ткани, как в комнате напротив Миллисент рыдает, получив письмо от мужа. Он задерживается. Это значит, что он истратит ещё больше. Неужели мне становится её жаль? Нет, этому не бывать. Я не могу жалеть человека, который отнимает у меня дом.

От раздумий меня отвлекло нечто желтоватое, повязанное ярко-розовой лентой. Несколько квадратов из молочного цвета бумаги, перевязанные таким прекрасным бантом.

Кто это сделал?

— «Доброго вечера. Надеюсь, так вам будет проще общаться. Это намного лучше, нежели носить за собой огромные листы для писем», — гласила надпись на первом листочке. Как же мне это расценивать? Судя по ленточке, которую, скорее всего, завязала горничная, как подарок. А если дела обстоят именно так, то после того, что произошло утром, я должна была как минимум запустить этой вещь прямо ему в голову. Или затолкать в рот, при этом поливая холодной водой из вазы. А то мало ли, вдруг подавится, умрёт ещё. А нести ответ за жизнь её чуть-ли-не-сына, перед тётушкой совершенно не хотелось.

— «Доброго вечера. К сожалению, вынуждена отклонить ваш подарок. Я придерживаюсь классики», — я отвечала так учтиво, как только могла. По-хорошему, следуя этикету, мне бы не следовало с ним общаться вовсе. Оторванный лист с его первым «письмецом» я отложила по правую руку, чтобы потом выбросить.

— «Я настаиваю на прогрессе, сочетающем в себе классическую бумагу и новую форму её потребления. Как учтивая леди, вы просто обязаны были похвалить меня за такую инновационную идею».

— «Простите, однако у меня нет ни малейшего желания хвалить того, кто с самого утра застал меня врасплох намеренно, при этом даже не утруждая себя извинениями», — это было уже чересчур. Он определённо не знал куда деть свою наглость, поэтому, судя по всему, решил направить её на меня. Тем более из-за этого наглеца и извращенца, мне пришлось стать на колени, чтобы было удобнее писать.

— «Мне думалось, что утренних комплиментов с вас будет достаточно и мои извинения не потребуются», — это уже не проходило ни в какие рамки. Меня учили правильно отвечать мужчинам, даже если они надоедливы и не понимают того, что делают. Но этот молодой человек явно намеренно выводил меня из себя, поэтому я решила отвечать чуть более развязно. Надеюсь, ему это не понравится, и он тут же прекратит разговор.

— «Надеюсь, вы осведомлены о том, что случилось с индюком, который, также, как и вы, имел длительный умственный процесс?».

— «Вы считаете меня индюком?», — я совсем забыла о том, что этот юноша ни единого моего вопроса не воспринял как риторический. Нужно было подобрать совершенно другую форму.

— «Я считаю, что, как для первого дня после знакомства, вы слишком многое себе позволяете», — небольшая стопка бумаг подходила к концу, как и свободное место на моём листочке, однако, я добавила: — «Будет лучше, если вы будете обходить меня десятой дорогой. Доброй ночи».

— «Я же, в свою очередь, считаю, что это вы спровоцировали меня. Такие прекрасные ножки нужно либо демонстрировать всем и каждому как эталон, либо спрятать под длинной юбкой, чтобы не видел никто».

— «Мне приятны ваши комплименты, однако неприятно ваше внимание. К тому же, я уже пожелала откланяться ко сну».

— «Но разве существуют комплименты без внимания?»

— «Чарльз, я уже переоделась, и мне нужно идти спать».

— «Как жаль. Я мог бы не исписывать ненужными словами этот клочок бумаги, а порадовать свой глаз настоящим произведением искусства. Что же, спите спокойно. И, надеюсь, я не побеспокою вас, если ночью захочу украсть хотя бы один ваш вздох».

Это уже больше напоминало угрозу. И, понимая то, что настоящих его чувств прочитывать

я не могу, один из неразобранных чемоданов я придвинула к роялю, предварительно не забыв запустить подарок в комнату Блейка. Кажется, он попал прямо в лицо, что не могло меня не радовать. Понимая, что эта новость просто замечательна, я отправилась в постель...

3. Помощь

После обеда, на следующий же день я предстала пред судом тётушки в её кабинете. Вернее сказать ранее кабинет принадлежал моему отцу. На стенах всё ещё оставались знакомые мне картины, а на стеллаже в углу я успела рассмотреть знакомые мне книги. Всё это принадлежало моему отцу. Личный кабинет ему нужен был для того, чтобы в вечерней тишине не могли его потревожить ни внезапные гости, ни мы с Гидеоном. Гилберт Расселл был потрясающим человеком. Он мог до ночи сидеть у себя, не видя сна за огромными стопками бухгалтерских бумаг. Кроме того, по причине заключения выгодных сделок, он отсутствовал весьма часто. И, несмотря на это всё, успевал проводить с нами время и даже возить моего брата на охоту и прочие чисто мужские занятия. Он был достоин этого кабинета. Вы же используете его лишь для того, чтобы подчеркнуть свою деловитость, миссис Гест. Вам пора уgomонить свои амбиции.

Впрочем, тётушка не предложила нам стульев, а персонально для меня не была предусмотрена бумага — значит, мне полагалось молчать и не встречать даже, если сильно захочется. В любом случае, она не умеет ни читать по губам, ни разбирать язык жестов.

— Что это такое? — под гром её разгневанного голоса, на стол рухнула небольшая, немного помятая и мокрая стопка бумаг. Они были маленькими, такими же как... Я тут же узнала те самые листочки, с помощью которых мы вчера обменивались сообщениями. Что же, не самая восхитительная находка, но... Откуда это взялось у Миллисент? Не мог же Чарльз сдать нас обоих. Насколько я знала, то, что он писал, являлось весьма неприличным, так что показывать это, тем более тётушке, было себе дороже. Кроме того, он стоял рядом со мной, а не подле «госпожи Гест» — значит, он тоже в секторе обвиняемых. Так как же это попало к ней? И почему на этой стопке нет той розовой ленты, которую так заботливо повязали на него в самом начале?

— Мне стало жаль мисс Расселл, — начал Блэйк. Я чувствовала, что он пытается как можно лучше подобрать слова, чтобы, скорее всего, не повязнуть в настигшей нас беде ещё сильнее. Впрочем, я не была уверена. Уверенности мне предали бы его мысли. Мысли, которых я не слышу. Вопрос о том, почему так происходит, снова всплыл у меня в голове. — Она постоянно ходит с огромными листами, а, когда она кладёт их в карман, полагаю, они мнутся и приобретают вид весьма непрезентабельный. Тем более для того, чтобы показывать их таким уважаемым людям, как вы. Поэтому я решил сделать ей небольшой подарок. Это была лишь жалость — не больше.

— Мне всё равно, что привело к появлению этого предмета. Он у меня в руках. Его мне принесла... одна из прислуг и сказала, что нашла это в саду, — тётушка пыталась успокоиться, но в её мыслях я слышала тревожные знаки, будто чёрным по белому написанные слова. У неё на него планы и интрижка со мной едва ли в них вписывалась. — Я хочу знать, почему текст, находящийся здесь, носит настолько фривольный характер. Если мне не изменяет память, вы познакомились не так уж и давно, чтобы обмениваться подобным.

— «Но я... Я не при чём. Это всё отверстие для рояля и он!» — от волнения, я стала жестикулировать. Это нечестно, приплетать меня сюда. Я считаю, что в том, что всё это вообще появилось виноват именно Чарльз. Откуда мне было знать, что его

изобретательность зайдёт настолько далеко?

— Она права. Во всём виноват я. К сожалению, вынужден признать, что подсматривал я, — для меня оказалось удивлением то, что всю вину он взял на себя. Но, что удивляло ещё больше — это то, что он разбирал язык жестов. Откуда? Как это вообще возможно? В университете, где он учится, есть такие же как я, без голоса? — Затем, мы с ней стали переписываться.

— И каким же образом, позвольте спросить? — тётушка не унималась. Неужели ей этого мало. Впрочем, точно. Она же решила не только прибрать к своим рукам мой дом, но и сделать из меня гувернантку. О чём это я думаю? Ей всегда будет мало. — Вы же не выходили из своих комнат ради каждой записки.

— «Нет же! Это слишком сложно! Мы переписывались и передавали эту вещь через отверстие для рояля!» — я снова стала жестикулировать. У меня наконец-то появился шанс расправиться с этим недоразумением и наконец-то заснуть спокойно. Конечно, это не отведёт от меня всей беды и, всё же, так как мы живём в одном доме (из которого он точно вылетит как только я стану законной хозяйкой), мы обязательно столкнёмся. Но, во всяком случае, я буду уверена, что за мной никто не будет подглядывать.

— Что она пытается сказать? — Миллисент кивнула Чарльзу спокойно, хотя в её мыслях я прочитала некий страх и удивление. Конечно, если бы я увидела кого-то, также хаотично жестикулирующего, определённо сочла бы за человека, которым всё ещё не занялся доктор.

— Она говорит, что так и было. Частично. Мы так увлеклись разговором, что для нас это казалось сущей мелочью. Я же сидел прямо у неё под дверью. Фаддей должен был меня заметить. Впрочем, он сделал вид, что ничего не видел.

Я была злой, очень злой. Только что на моих глазах разрушился единственный шанс предотвращения любых подглядываний и посягательств на мою честь. Изначально, я была готова летать на крыльях радости, однако некто, именуемый Чарльзом Блэйком, одной своей речью отрезал их, не забывая о том, что нужно вырвать из спины даже небольшие перья, чтобы эти же самые крылья не выросли снова. Он всего лишь пользуется привилегией того, что у него есть голос, а у меня — нет. Ничего. Грядёт время, когда хозяйкой этого дома стану я.

— В таком случае, я должна сделать тебе, дорогой Чарли, первое и последнее замечание. Если подобный инцидент повторится снова, я вынуждена буду идти на крайние меры и от экзаменов до экзаменов тебе придётся жить не в моём уютном доме, а в городе, улавливая каждую пылинку в промышленной местности!

— Да, госпожа Гест, — Чарльз тут же стал серьёзным, однако на лице оказалась тень вины, будто он и правда сожалел о произошедшем. Или действительно сожалел? Что за наказание? Я ведь не могу прочесть его мысли, не могу убедиться в том, правда это или нет. Кажется, без своего дара я становлюсь совсем беспомощной и от этого мне не так хорошо, как хотелось бы. Это произошло со мной впервые. И впервые я чувствую себя такой незащищённой. Этот человек мне незнаком, и, пусть я имею некоторые предположения на его счёт, мне нужны гарантии. Гарантии, которых нет. Моя мать говорила, что мужчины весьма вертливый, чего бы дело не касалось и в общении с ними нужно опираться на опыт. Но что, если его нет? Я всегда использовала чтение мыслей и знала, кому нужно резко заявить о своих намерениях, а кого — не кормить напрасными обещаниями. Таких было несколько, пусть мне всего-то двадцать один. Суть в том, что я всегда знаю, что делать и как поступать,

руководствуясь чтением мыслей. Сейчас же, когда этот Чарльз нарушает всю построенную мной систему, мне некуда деться. Я не знаю, что он думает, а, значит, не знаю, каковы его настоящие намерения. И как мне жить теперь? Я должна узнать, почему это происходит и, самое главное, как пробиться сквозь эту защиту.

— А вам, дорогая племянница, я дам дельный совет: закрывайте вашу дверь крепче, тем более когда переодеваетесь, — она выкинула стопку бумаг в небольшую корзину. Обычно, туда отец выкидывал то, что стоило сжечь в камине на первом этаже. — Лучше бы вы так страстно думали не о переписках, а о том, что станете дарить Энни и Лукасу на их день рождения. Уже через восемь дней, напоминаю. На случай, если вы всё ещё не сподобились подготовить подарки. Ступайте. Оба.

Как только мы вышли из кабинета, я тут же схватила юношу за плечо. У меня было слишком много вопросов, а ответы могли мне не понравиться. В любом случае, я решила, что не стану раскрывать своих способностей. Скорее всего, я смогу узнать это как-то иначе, без прямого вопроса. Вот только как? Остальные же вопросы, полагаю, либо были не своевременными, либо нужно было их правильно подать. Но кое-что я всё-таки решилась спросить:

— «Откуда вы знаете язык немых?» — один из самых очевидных вопросов и самых простых из тех, которые вертелись у меня в голове. Вопрос вполне оправдан и может расположить его ко мне. И тогда я смогу узнать намного больше, получить намного больше ответов.

— Вы заинтересовались моей биографией? — кажется, ему доставляло удовольствие отвечать вопросом на вопрос. Но сейчас я сдержусь.

— «Всего лишь излишнее любопытство — не более», — тут же ответила я. Мне нужно было избавить его от любых иллюзий. Иначе, чувствую, это породит ещё больше недопониманий и подсматриваний.

— Любопытства без интереса не бывает, — хитро, но в то же время радостно улыбнулся он. Даже здесь он смог сделать свои выводы, хотя, казалось бы, что здесь можно было придумать? Думаю, такой вопрос вполне нормален, учитывая, что язык немых знает далеко не каждый второй. Но, всё же, он продолжил: — Один мой хороший друг, сын одной из горничных в доме госпожи Гест, был немым. Поэтому мне пришлось выучить немного больше. Это всё, что вас интересует? Потому, что я хотел бы, чтобы ваш поток вопросов обо мне, вызванный «излишним любопытством», никогда не заканчивался.

— «Не зазнавайтесь», — наверное, даже по моему лицу было видно, что я не довольна происходящим. — «Я и так прекрасно понимаю, почему вы не перевели мою фразу о рояле. Не беспокойтесь, я сама вполне могу позаботиться о том, чтобы вы не подглядывали за мной и больше никогда не появились в моей комнате, кроме как через дверь. Мне интересно лишь то, почему бумаги были найдены в саду, ведь я, помнится, бросила ими в вас. Как они перенеслись за порог вашей комнаты?».

— А этого, — он приблизился ко мне слишком близко, чтобы это можно было воспринимать как жест от человека, лишь заинтересованного в подглядывании. Но, к сожалению, уклониться мне не удалось. Он будто парализовал меня. — Этого пока что вам знать не стоит.

— «Пожалуйста, прекратите. Я не хочу побывать в кабинете тётушки ещё раз», — к счастью, расстояние между нами было достаточно, чтобы я задействовала руки для жестов, не отодвигая его от себя. Это слишком. Он заходит слишком далеко. Снова.

— Простите, если причиняю вам неудобства, однако, меня всего лишь заинтересовала точка около вашего глаза, — к сожалению, я не знала, отговорка это или правда. Однако, притронувшись к коже рядом с веком, и правда почувствовала какую-то соринку. Не представляю, каким образом она приклеилась, но, в любом случае, это оказалось правдой и Чарльз не перешёл никаких рамок. В какой-то смысле. Он же просто рассматривал, правда?

Хотелось в это верить.

— К тому же, полагаю, вы, также как и я, всё ещё не выбрали подарок для своих кузенов, — юноша улыбнулся. Но, несмотря на сказанное, она казалась светлой и доброй, будто он по-настоящему хотел мне помочь. Почему я не знаю этого наверняка? Почему для меня он до сих пор загадка? Может ли быть так, что он читает мои мысли? Именно потому, что мы в этом смысле схожи, я не могу читать его? Нет, этого не может быть. Такие люди как я, если они ещё существуют, разочарованы в жизни, ведь знают, что всё, что их окружает — ложь. Чарльз же кажется очень радостным и тёплым человеком. Правда, это всего лишь "кажется". Что мешает ему притворяться для того, чтобы можно было не просто поглядывать, а обладать? У меня нет гарантий в виде его мыслей, а, значит, я не могу быть уверена ни в чём.

— У меня есть для вас интересное предложение, — продолжил он. — Через пару дней я планирую отправиться в город, за подарками. Предлагаю и вам составить мне компанию.

— «Откуда такая щедрость?» — тут же задала вопрос я. То, что просто так никто в этой жизни мне ничего не предложит, я уже знала наверняка.

— Вы не верите, что я просто могу предложить вам свою помощь? — возможно, мне показалось, но его улыбка стала немного печальнее. И в этот момент в голову пришла мысль. Ещё в первый день здесь, я поняла, что в ближайшее время в город выбраться я не смогу. У меня нет средств, а, если тётушка возьмёт меня с собой, то я всегда буду под надзором тех, кто тут же расскажет ей всё и вся. Поэтому я думала, что перед Рождеством смогу забрать свои деньги и отправиться в столицу. Через час езды от имения я уже буду в городе. Тогда придётся либо идти сразу к нотариусу, либо попросить об этом «любимого» брата. Сейчас же, учитывая, что со мной будет лишь один Чарльз, я смогу поехать хотя бы к брату. Почему-то мне казалось, что именно этот молодой человек не выдаст меня перед тётушкой. И, пусть это не было подкреплено вескими доказательствами, я чувствовала. Что-то подобное однажды моя соседка по комнате назвала интуицией.

— «Я верю в то, что это возможно только в присутствии Эммы», — я всё же решила, каким образом смогу обезопасить себя от него. Конечно, не думаю, что наша горничная сможет его удержать, но, всё же, так мне было намного проще. Тем более Эмму я знала с детства. Она определённо тот человек, который не выдаст всех подробностей. Да. Ещё немного, если брат согласится — то в скором времени нотариус подтвердит подлинность отцовского завещания и я смогу зайти в этот дом как хозяйка. Только бы брат не подвёл. Но... Я не могла врать Чарльзу. Пока что он не сделал мне ничего такого, за что стоило бы обрушить на него это. Подглядывания и наглость, которые он проявлял, вовсе не то, за что заслуживают неправду: — «Надеюсь, вы поймёте мои опасения правильно».

— К сожалению, да, — его улыбка совсем поникла. Наверное, я его разочаровала, хотя несколько мгновений назад мне казалось, что его невозможно ни смутить, ни разочаровать. И ведь именно в этот момент я не знала, как мне стоило бы его подбодрить, как сказать что-то хорошее. Таких ситуаций на уроках этикета мы не разбирали. Такому нас не учили. Ни учителя, ни моя собственная жизнь. На какие-то секунды мне даже стало его жаль. Кажется,

он предлагал мне помощь искренне.

— «В любом случае, я принимаю ваше предложение. Благодарю вас за такой шанс», — вот и всё, что я смогла ему показать.

Мы разошлись по своим комнатам. Я поняла, что мне стоит написать брату письмо. Не то, чтобы я беспокоилась о нём или так сильно хотела рассказать о том, что наконец-то вернулась в отчий дом. Мне нужно было убедиться в том, что он точно будет там же, где и пять лет назад. Потому что, учитывая то, что, продолжая дело отца, он способствовал его расцвету, так что обитать он мог на любой из точек. Мне нужно было предусмотреть всё.

Однако, несмотря на то, что у меня появился луч надежды, за написание письма я села в расстроенных чувствах...

4. Защита

Этим же вечером чемодан был отодвинут. Я написала небольшую записку, и, несмотря на не самый чистый пол, я легла на него. Мне предстояло протиснуться под роялем. Совсем немного, чтобы записка оказалась под ним, однако, чтобы не ударила прямо Чарльзу в ступню. Хотя меня терзали смутные сомнения в том, что он заметит это сразу же. Насколько я успела понять, он действительно любит играть на рояле. Он нежно нажимал на клавиши, а руки скользили по белому так быстро, что, казалось, даже нашей учительнице из пансиона никогда не достичь такого эффекта. Он был одержим идеей играть и каждый раз, когда в мелодии проскакивала хотя бы одна ошибка, он начинал снова. В большинстве случаев, это слышала только я. В полную силу он играл только между завтраком и обедом, когда дети находились в школе, а у остальных «почётных» жителей дома это время в распорядке дня значилось как свободное, отведённое для каких-либо развлечений. Вечером же, когда все, как правило, возвращались из сада, уставшие от активных игр и бесконечных разговоров, Чарльз садился за рояль вновь. Он тихо перебирал клавиши, боясь кого-то потревожить. Сначала мне казалось, что это напускное, однако, всё вышеуказанное повторялось изо дня в день.

И вот теперь он снова сидел за своим привычным местом, наверное, чересчур увлечённо всматриваясь в клавиши, которые, как по мне, любить мог бы только тот, кто одержим этим. Скорее всего, это именно о Чарльзе Блэйке.

Может, у него голова слишком сильно забита творчеством и нотами? Именно поэтому я не могу прочить его мысли?

На ум приходила догадка за догадкой и находилось там место даже самым невероятным. Как-то раз, в библиотеке пансиона, на глаза мне попала книга о так называемом вампире. Главный герой пил из людей кровь, и, в сущности, являлся мёртвым. Что, если Чарльз — вампир? Он мёртв, поэтому я не могу прочитывать его мыслей.

Или... Он — оборотень? У него два обличья, поэтому мой дар колеблется между ними, и, в конце концов, не может выбрать ни одно.

А, может, он пустил в себя тьму, заключил контракт с дьяволом и теперь его душа темна настолько, что я напрасно пытаюсь рассмотреть за ней хоть какие-то его собственные мысли. Ведь всем известно: людям, заключившим контракт, мысли нашептывает демон.

Нет, нет. Это всё слишком... сказочно? Это просто выдумки писателей. Такого на самом деле не бывает, а если и бывает... неужели бы у Чарльза была такая светлая и обаятельная улыбка, заключи он такую сделку?

И правда светлая.

И правда обаятельная.

На этой мысли я осеклась и отпрянула от записки. Заметит прямо сейчас — хорошо, заметит позже — пусть, ведь я не планировала спать сегодня достаточно долго. Если же не найдёт вовсе — так тому и быть. Я не горю желанием говорить с ним о чём-то, выходящем за грани обычной болтовни, которую нас учили поддерживать. Даже несмотря на то, что от практических занятий я, так как врождённые данные не позволяли, была отстранена. И, всё

же, я чувствовала, что должна извиниться. Мне всё равно, что твердит об этом этикет.

— Леди не пристало извиняться первой, — твердила мне и мать, и учителя в пансионе. Но что, если виновата я? Зачем мне заставлять извиняться мужчину? Неужели я не смогу переступить через гордость для того, чтобы успокоить свою совесть?

— «Простите меня. Мне не стоило относиться к вам так. К сожалению, вместе воздушных замков, я строила на ваш счёт лишь предубеждения. Надеюсь, это недоразумение не застало вас врасплох. Ещё раз благодарю вас за то, что предложили мне отправиться с Вами».

Отряхнув от едва заметной пыли платье, я села за стол. Написать письмо подруге, написать письмо подруге, написать письмо подруге... Брату письмо уже было отправлено: я знала, что наша кухарка ездит в город за продуктами, так что с этим проблем не возникало. Другое же дело весточка Розе. Она будет рада получить от меня хоть что-то — в этом сомнений не было.

Однако, слова совсем не желали приходить на ум. Что же написать? Что же написать? Из головы выходили даже те вводные фразы, которым нас учили в пансионе. Это не честно. Почему? Неужели, это так сложно, написать пару строк Розе? Почему это сложнее, чем даже написать Чарльзу?

Чарльз. Чарльз. Чарльз. Чарльз.

Неожиданно даже для себя, я встала из-за стола и принялась ходить по комнате взад-вперёд. Я не могла успокоиться просто так. Почему-то мне нужно было дождаться, того, что именно этот молодой человек прочитает. Мне бы сейчас заботиться о том, чтобы моё письмо прочитал брат и правильно на него отреагировал. Но нет. Всё, что находилось у меня в голове на тот момент — это то, как отреагирует на моё послание Чарльз Блэйк, сидевший в соседней комнате.

Ещё один шаг — и я снова наступила на платье. Однако, без таких «походов» никуда — я слишком нервничала, поэтому не оставалось ничего, кроме как взяться за него руки и приподнять. В таком случае, были видны ноги. Но разве я могла об этом думать? Это слишком волнительно. Я... Я не могу сдержаться себя, не могу думать ни о чём другом.

Наконец, последние ноты сложного произведения растворились в воздухе. Он закончил игру. Я едва сдерживала себя от того, чтобы снова опуститься на колени, снова заглянуть под рояль, чтобы проверить, там ли моя записка. Почему я так нервничаю? Ведь перед этим мы уже переписывались.

— Но не так, — прозвучало у меня в мыслях.

В скором времени, спустя буквально пару минут, прямо у меня под ногами оказалась записка. Да, вот она, наконец-то. Чуть ли не прижимаясь к полу, я тут же зашелестела хрустящей бумагой. Он написал. Он написал.

— «Нет. Единственный, кто должен молить здесь прощения — это я. Мне не стоило за вами подглядывать. Мне жаль, что так получилось. Я позволю себе скрыть детали истории, но, всё же, скорее всего, именно из-за меня ваша тётушка узнала о нашей переписке. Могу лишь надеяться на то, что моё общество для вас будет приятным».

— «Как я могу игнорировать того, кто живёт через стену от меня? Просто теперь нам придётся прятать переписки как можно дальше».

— «У меня есть идея получше», — гласила первая строчка его послания. — «Однако, если позволите, хотел бы полюбопытствовать, не устали ли ваши ноги? Вы ходите по комнате так, будто чем-то взволнованы».

— «Вы снова подглядывали?! Вы же только что попросили за это прощения!» — эти несколько строк были написаны мною в невероятном порыве гнева. Зачем он вновь сказал это? Зачем снова подсматривал? Почему на этот раз я ему поверила? Вот что такое не знать мыслей человека. Не зная того, что у него в голове, начинаешь верить обещаниям, начинаешь думать, что человек хороший, что лгать он не может априори. Однако тут же тебя подстерегает новый сюрприз. И ты разочаровываешься в людях. Как же остальные живут без такого дара, как у меня? Как же они отличают плохих людей от хороших? Как же они оправляются после таких потрясений?

— «А вы снова верны своим предубеждениям, построенным лишь после первого впечатления. В сущности, вы считаете, что мы оба остались при своих взглядах. Однако, вы забываете о том, что я абсолютно ничего не упоминал о подсматривании. Думаю, в отличии от меня, Энни, чья комната находится прямо под вашей, едва ли решится сказать вам, как многословно стучат по её потолку ваши каблучки».

— «Что же, признаю, в этот раз я была не права. Теперь мне придётся извиниться и перед вами, и перед ней».

— «Думаю, лучшим извинением для неё станет неожиданный подарок на день рождения», — мне было неловко. Действительно, неловко. Он просто прислушивался к тому, что я делаю, а я... А я снова за своё. Кажется, слово «простите», с такой частотой употребления, в скором времени утратит для меня какое-либо значение. Однако, Чарльз, судя по всему, понимая, в каком положении я оказалась, мастерски сменил тему.

— «Разве подарки и так не неожиданность? Разве вы знаете, что вам подарят на день рождения или Рождество?»

— «Полагаю, вам в детстве тоже делали подарки. Что вам обычно дарили?»

— «Игрушки. Сначала несколько кукол, потом домик для них, потом посуду и другие наборы. После этого — несколько других, более интересных игрушек. А вам?»

— «Как обычно мальчишкам: то солдатиков, то оружие, то железную дорогу», — получив это послание, я заметила, что написанное в самом конце, он тщательно заштриховал. Я не знала, что за любопытство так сильно овладело мной. Вместо того, чтобы написать очередной ответ, я перевернула лист и поднесла к свету. Как оказалось, там можно было разобрать несколько слов: — «Хотя на десять лет отец подарил мне настоящий баскетбольный мяч. Но вряд ли вам это интересно».

Баскет... что? Что это такое? Я понимаю, что такое мы с Гидеоном тоже играли в разное, выдумывая самые разнообразные игры в детстве. Но такой я не слышала никогда. Ни от брата, ни от близких мне людей. В любом случае, несмотря на вспыхнувшее во мне любопытство, связанное с тем, чего я не знаю, я всё-таки решила не говорить ему о том, что что-то прочитала. Он не должен знать.

— «Это нормально. Я думаю, у всех детей детство имеет схожие черты. Таким оно было у нас и таким оно остаётся у Энни и Лукаса».

— «Но... Разве они не заслуживают лучшего? Мы с вами знаем, в какой затруднительной ситуации находится господин Гест. Из-за этого детям покупают не так уж много игрушек, они не могут пойти на специальные увеселительные мероприятия для таких, как они. Я считаю, хотя бы раз в году их можно порадовать чем-то необычным».

— «Кажется, вы вновь придумали что-то интересное. Что-то, напоминающее ту стопку бумаг? У вас уже появился план?»

— «Только если в нём поучаствуете Вы»

— «Я не участвую в том, о чём не знаю подробностей», — ложь. Не знаю почему, но я хоть сейчас была готова пуститься с ним в эту авантюру. Тем более, он всего лишь говорит о детском дне рождения. Что может быть безопаснее? Что может быть менее рискованным? И, всё же, не стоит говорить, что внутренне я согласна.

— «В таком случае, я раскрою их вам завтра. Надеюсь, за эту ночь я смогу продумать все подробности. А сейчас... Хотелось бы показать вам то, что я хочу сделать с нашей перепиской. Исключительно из целей того, чтобы вы убедились в моём плане, я попрошу вас собрать все те бумаги, которые касаются нашей переписки и пролезть ко мне. Это займёт не больше пяти минут, уверяю Вас».

Он что-то задумал. И я не знаю, что. В любом случае, мне подойдёт любая идея. Только бы ни тётушка, ни кто-то из слуг, не узнал о том, о чём мы говорим. Это то, что должно оставаться между нами. Почему-то сейчас мне хотелось считать именно так. В моей жизни должен был оставаться хоть какой-то кусочек мира, который я не должна делить с остальными. Ни с братом, ни с тётушкой, ни даже с родителями, будь они живы. Даже несмотря на то, что всю почту, связанную с личной перепиской, стоило бы показывать старшим. Но это моё. Мои чувства, которые я испытываю при получении, мои впечатления, которые преследуют меня при прочтении, мои мысли, которые я вкладываю при ответе. Почему я должна рушить ширму между миром других людей и моим собственным? Их мысли не вселяют в меня никакого доверия. И, пусть я не знаю, о чём думает этот молодой человек, но, всё же, я хочу оставить нашу переписку между нами.

Открыв один из ящиков стола, я достала небольшую стопку наших «писем». Что он хочет с ними сделать? Мне всё равно. Я просто хочу, чтобы до них больше никто не добрался. Я крепко сдерживала их в своей руке и уверенно ползла в его комнату. Когда же оказалась в его комнате, то, как научили в таких ситуациях в пансионе (правда, мягко говоря, ситуация была нетипичной, но, всё же, некие подобные инструкции нам были даны), присела на колени, ожидая, пока он подаст мне руку. Но вместо этого он подхватил меня за талию и поднял в воздух. Казалось, для него я — пушинка, не весящая ровным счётом ничего. От неожиданности, моё сердце забилось быстрее. Мне показалось, что голова стала кружиться, а шкаф прямо напротив меня стал расплываться.

— Прошу меня простить. Скорее всего, я запомнил, что здесь так не делают, — он медленно опустил меня на землю и отпустил мою талию. Я вновь почувствовала холод спиц корсета. Хотя до этого мне показалось, что тепло его рук прожигает сквозь них.

Несмотря на смешанные чувства, я передала ему записи. Он же бросил их в нечто, напоминавшее таз для стирки.

— Знаете, иногда мне кажется, что в этом доме, если сжечь что-то в камине, кто-то всё равно разберёт пепел и прочтёт мои секреты даже по нему, — на его лице появилась грустная улыбка. Я тут же узнала «тётушкины способы». Конечно же, по пеплу пока что читать она не умела, однако свой собственный дом она всегда держала в строгости и никогда не пропускала ни единой новости. Она не брезговала приватностью жителей дома. Она узнавала обо всём пусть и последней, но это не означало, что виновник не будет наказан. А из её мыслей узнавала и я. Наверное, именно из-за такого поведения, из-за стремления всё контролировать, мой отец, как и дядя, практически с ней не общались.

Она стремится всё контролировать.

А чем сейчас лучше я?

Я невольно прижала руку ко рту. Мой дар позволяет мне читать мысли. Но разве я когда-нибудь отказывалась от этого? Разве когда-нибудь давала человеку свободу? Разве не пользовалась для того, чтобы знать всё наверняка? Зная всё наверняка, ситуацию можно контролировать. Тогда ты становишься её владельцем.

На мгновение, мне стало противно от собственных же мыслей. Тем временем Чарльз наклонился к бумагам, что проделала и я. Он же поднёс к ним длинную каминную спичку, на конце которой уже пылал язык рыжеватого пламени. Теперь я поняла, что он хочет сделать.

— Всё это должно сгореть, — сказал он. — И остаться лишь в наших мыслях. В твоих и моих.

— Мысли, которых мне не прочесть, — тихо напомнила я себе же, даже не замечая того, как он перешёл на другую форму обращения.

Спичка упала к кипу бумаг, тут же начиная пожирать её. Теперь всё это и правда останется лишь в нашей памяти. Как жаль. Я хотела бы оставить хотя бы одну переписку, хотя бы несколько бумаг. Но этого делать нельзя. Если нас снова поймают, тётушке это не понравится. А я, всё же, на данный момент завишу от неё.

— «Пожалуйста, будь осторожнее с пламенем. Не устрой пожар. И пусть твоя ночь будет спокойной», — в жестах невозможно было выразить то, как я к нему обращаюсь. Однако, в мыслях вновь проскальзывало «ты», «тебя»... Допускаю, что это из-за того, что он сам решил избавиться ото всей переписки, тем самым решив нашу общую проблему. Сложно назвать этот поступок героическим. Но, всё же, определённый отпечаток это накладывает. Я понимала, что Миллисент любит его и ни за что не накажет. А вот мне выговор сделать может. В каком-то смысле, в большей степени, он обезопасил меня. И это то, за что я готова его благодарить.

Вернувшись к себе в комнату, я заметила на столе один небольшой клочок бумаги с оторванным краем. Тот самый, который стал первым. Я забыла положить его в ящик, а значит, он не был сожжён. Я ещё раз посмотрела на его почерк, пытаюсь вспомнить что-то из того, что он мог бы мне поведать.

Нет, я не знала, что этот почерк мог бы значить. Он скрытен, как и его хозяин.

Несмотря ни на что, я всегда носила с собой завещание отца, дабы его не смог отнять никто.

Этой ночью в карман платья, к завещанию, с моей доброй воли, попал и этот кусочек бумаги, исписанный Чарльзом Блэйком...

5. Опека

Несколько дней пролетели незаметно, даже для меня. Всё же, написать письмо Розе мне удалось. После того, как мы с Чарльзом сожгли нашу переписку, я чувствовала себя уверенной. Теперь я знала наверняка: здесь больше никто, кроме нас двоих, не узнает о произошедшем. И в этом... в этом, как мне казалось, было что-то романтическое. Тайна, которая известна только нам двоим. Та часть моего мира, которую трогать я не позволю никому. Все те, кто окружает меня, все те, кто прикрывается личиной этикета и тем, что «в обществе так не принято». Никому из них не добраться до того, что я чувствую, до моих воспоминаний. И пусть я храню их вместе с человеком, в чьих намерениях не могу быть уверенной, эти воспоминания остаются моими.

Чарльз не был удивлён тому, что я захочу навестить брата. Правда, он не знал того, что к нему я отправлюсь вовсе не за тем, чтобы расспросить о его семье и рассказать о собственном положении дел. Истинные цели, я, всё же, решила оставить при себе. Мне неизвестно, станет ли он рассказывать об этом тётушке. А если и расскажет, то все мои самые смелые опасения подтвердятся и мне придётся либо смириться со всем и принять на себя бремя жены «сына Гарриет», либо всё так же смириться и стать гувернанткой в своём же доме. В любом случае, ни один из этих вариантов не казался мне достойным.

Дверь небольшого помещения мне открыл мой брат, собственной персоной. Он был старше меня на семь лет, и, как мне казалось, единственное, что изменилось с нашей последней встречи — это его комплекция. Стало быть, когда дело отца перешло к нему, он определённо перестал думать о физической форме, и, скорее всего, позабыл думать не только о скачках, но и о банальной охоте. А в остальном, изменений мною замечено не было. Он остался таким же, как и был.

— Нора! Как же мы с тобой давно не виделись! — он казался таким же радостным, как и тогда, пять лет назад. Наверное, такого как он семья изменить не сможет. — Ты ведь даже не приехала на похороны отца и всё, что я от тебя получил — это письмо пару дней назад. Проходи!

— Как она не вовремя, а, — вот всё, что мне удалось прочитать в его мыслях. Однако, я не горела желанием отнимать у него слишком много времени.

Тем не менее, он добродушно провёл меня внутрь и даже радушно предложил чаю, на который я незамедлительно согласилась. Впрочем, этот кабинет, который мой брат явно снимал, едва ли напоминал место, в котором работает мужчина, связавший свою жизнь с транспортировкой рыбы. Из морского в этом помещении мне удалось найти лишь чучело рыбы-пилы на стене, сбоку и небольшую статуэтку акулы на одной из полок стеллажа. Но это скорее напоминало часть хобби, а не основную направленность жизни. Скорее всего, к профессиональной деятельности относились грамоты и рекомендации. В общей сумме их оказалось не больше десяти, но, не успела я их рассмотреть, как брат принёс чай.

— Ну, что, я готов за тобой наблюдать. Только не слишком долго. Через полчаса ко мне должен подойти клиент, — Гидеон сделал пару глотков и аккуратно поставил чашку, чтобы не разлить на какие-то бумаги. Он прекрасно знал язык немых, равно как и мать, как и отец. Всё же, в семье меня любили. Не сказать, что особой любовью отличался брат, однако, можно сказать, мы ладили. — Рассказывай. Как прошли эти пять лет? Прости, я был занят,

не мог написать. Как видишь, начал всё с нуля.

— «С нуля?» — недоумевала я. Что это значит? Он отрёкся от дела отца и променял свою долю рыболовного бизнеса Англии на... офис с сотнями бумажек? Зачем это? Неужели не было бы проще работать на дому, не оплачивая лишнее место зря?

— Да. Отец моей Шарлотты настоял на том, чтобы я за неплохие деньги уступил ему дело нашего отца.

— «Стало быть, ты совсем лишился ума», — я старалась себя сдерживать, но это было невозможно. Новость была и правда шокирующей. — «Отец потратил на это всю жизнь».

— Нора, его дело в надёжных руках. Мистер Кук определённо имеет нюх на хорошие сделки, поэтому я не возражал, когда он предложил мне определённую сумму за продажу бизнеса. Я принял их, и, как видишь, уже около двух лет работаю нотариусом. Весьма успешно, хочу заметить. К тому же, моя новая профессия мне по вкусу. Кроме того, мы с Лотти вполне неплохо обустроились в доме неподалёку от дома её родителей и уже воспитываем Николаса, ему полтора года.

— «Мне радостно слышать, что с тобой всё хорошо и ты доволен своей жизнью, а дело отца в надёжных руках», — снова стала жестикулировать я, понимая, что сейчас рассказывать свою историю настанет мой черёд. — «Увы, на данный момент я всё ещё не обзавелась ни семьёй, ни детьми и всё ещё не знаю, как долго проведу в состоянии "на выданье". Из-за того, что в нашем пансионе были достаточно строгие правила, четыре года назад я не смогла приехать на похороны отца, однако, я до сих пор каждый вечер молюсь о том, чтобы его душа прибывала в ином мире в спокойствии. В наш дом я вернулась несколько дней назад, но уже успела узнать, что тётушка желает выдать меня за того, кого я ещё не видела. Кроме того, из того, что я успела разобрать, мне удалось понять, что и над нашим домом, и над нашим наследством нависла опасность».

— Тётушка решила за месяц до Рождества сделать из нашего родового гнездышка самое модное жилище с самыми выдрессированными слугами? — он даже улыбнулся, а в его мыслях и правда читался лёгкий задор. Хуже. Хуже, чем ты можешь представить.

— «Нет. Дело в том, что Бернард увлекается азартными играми. Об этом ты знаешь давно. Я в курсе, что именно ты давал согласие на то, чтобы три года назад они переехали в наш дом потому, что из-за долгов мужа нашей тётушке пришлось продать дом. Но на этом история не закончилась. По приезду, несколько дней назад я узнала, что дело мистера Геста идёт ко дну, а почти всё моё состояние, которое мне завещал отец, было потрачено на погашение долгов. Кроме того, если у меня не срастётся с тем, кого она мне выбрала, по словам Миллисент, я должна буду остаться гувернанткой. Део, нам нужно что-то делать. Я приехала сюда для того, чтобы ты помог мне связаться с нотариусом. Но, если уж ты уже стал нотариусом... Прошу тебя, подтверди подлинность завещания и тогда дом перейдёт в мои владения. Иначе ещё немного — и тётушка продаст и его. У меня совершенно нет желания ютиться вшестером в небольшой квартирке где-нибудь на окраине Лондона».

— Хорошо... — он немного повременил с ответом. В его мыслях же творился полнейший беспорядок и мне, и ему было понятно, что дом ему не нужен — он отказался от него ещё тогда, когда впервые узнал о завещании. Тогда они с Шарлоттой как раз сыграли помолвку. Однако его мысли перескакивали с одной на другую, заставляя меня отвлечься от этого дела вовсе.

— Хорошо, — повторил он. — Допустим, я дам добро на эту затею. Допустим, ты отправила Бернарда в долговую яму, а Миллисент, как любящая жена, собирает деньги на то,

чтобы его оттуда выгнали. С этой семьёй всё ясно. Но что ты будешь делать с домом? Тебе нужны деньги для его обеспечения. Однако, наш отец успел отложить не так уж и много. Прибавь к этому ещё и то, что наша любезная тётушка, по твоим словам, потратила почти всё на твоём банковском счету. Тебе нужно содержать прислугу, ты должна уметь ею управлять. Кроме этого, не забывай, что тебе понадобятся и деньги на обеспечение самой себя. Всё это при условии, что на данный момент у тебя нет ни работы, ни богатого жениха. Поэтому на данный момент я не смогу подтвердить завещание, но только из лучших побуждений. Я предлагаю тебе пока что побыть хорошей девочкой и подумать о том, как ты заработаешь эти деньги. Так или иначе, по закону, на данный момент тётушка содержит тебя, однако дом принадлежит тебе и решение за тобой. А если наша дорогая Миллисент дойдёт до того, что уничтожит твоё завещание, я с удовольствием вынесу своё решение на основе того экземпляра, который имеется у меня.

— «Но Део, мне нужен этот дом!» — я вновь стала жестикулировать так, будто меня уже давно должны были отправить в дом для душевно больных. На глазах появились слёзы, которые остановить было невозможно. Они капали прямо в чашку, остужая чай. Стало быть, всё кончено. Он прав. Я не смогу обеспечить этот дом. Мне придётся распустить прислугу. Конечно, можно выйти за "сына Гарриет", но какова гарантия того, что я буду от этого в восторге? Или не захочу его убить?

— Нора, я понимаю. И я бы тебе не мешал, не думай я о твоём благополучии, — продолжал брат.

— Не нужно дать ей этого сделать. Иначе через месяц-два после этого она босиком прибежит в наш с женой дом, — считала я его мысли. И я его прекрасно понимала. Его семья жила собственной жизнью, и я определённо не вписывалась в их планы, даже как няня.

— Если бы тебя уже познакомили с твоим женихом и ты бы могла его нам представить, — тут же продолжил он. Это то, за что я могла схватиться. Это то, что нужно мне. — В таком случае я мог бы всё подписать.

— «Смогу. Надеюсь, в ближайшее время», — жестикулировала я. Я понятия не имела, кого буду представлять. У меня нет ни единого знакомого мужчины, настолько самоотверженного и знакомого мне, чтобы прикинуться моим будущим супругом. Кроме того, сделать это так, чтобы поверил и брат, и, я не сомневаюсь, его семья, так как, я была уверена, он пригласит нас к себе. Разве что...

Чарльз?

Нет, это слишком рискованно. Конечно, он весьма неплох, и, мог бы сойти за хорошего жениха, пусть даже на один вечер. Естественно, его нужно одеть немного моднее и не забыть снабдить данными о моей семье. Однако, не стоит забывать о самом страшном факте из его жизни: он — воспитанник тётушки Миллисент. А, значит, он всецело на её стороне. И это причиняло боль. Я не представляла, как можно оставаться на стороне этой властной, стремящейся к идеальной дисциплине женщины. Возможно, я имела право на такую точку зрения потому, что точно знала, о чём она мыслит. С другой же стороны, она действительно любила Чарли, и, готова поспорить, позволяла ему иногда даже больше, чем близнецам. Поэтому, в данном случае я заранее обрекала себя на неудачу.

— Хорошо. Тогда буду ждать тебя у себя в доме. Однако, будь добра, не забудь предупредить о своём визите, — он написал несколько символов на небольшой бумажке и вручил её мне.

В скором времени, мы с ним распрощались. С печалью в глазах, я направилась к кондитерской, в которой мы с Чарльзом и Руфусом, нашим носильщиком, договорились о встрече. Всё же, в этот день сопровождал нас именно он. Хотелось верить, что он ничего не расскажет тётушке. А если и расскажет, то, я уверена, ни ему, ни ей, не придёт на ум искать в этом что-то корыстное. Неужели я не могу поехать к своему брату и просто спросить у него, чем он занимался все эти годы?

Однако, проблемы мои казались намного жёстче, чем просто выговор от Миллисент. Мне нужно было забрать этот дом любой ценой. Я не знала, кого смогу предъявить своему брату. Однако, в моей голове уже стали зарождаться мысли о том, что, если этот самый «сын Гарриет» окажется неплохим и вполне состоятельным человеком, я вполне могу сойтись с ним. Печально чувствовать то, что готова на многое, только бы отстоять родной дом. И это самое позорное, самое жестокое и самое противное признание, которое я себе когда-либо делала.

В кармане, рядом с завещанием, я коснулась небольшого листика бумаги, который несколько дней назад мне передал Блэйк.

«Доброго вечера. Надеюсь, так вам будет проще общаться. Это намного лучше, нежели носить за собой огромные листы для писем»

По какой-то неведомой мне причине, я почувствовала, что успокаиваюсь. Мне становится намного легче, а слёзы на щеках стали понемногу высыхать. Чарльз. Чарли... Человек, который просто решил сделать подарок. Потому, что хотел хоть немного помочь. Или же нет. Чем больше я с ним общалась — тем меньше мне хотелось верить в то, что он обманывает. Однако, на его стороне не было никаких гарантий. Вернее, мне привычных. Я не вижу его мыслей. Играть может каждый.

Но как же мне хочется, чтобы он говорил правду. Чтобы в этом мире лжи, оплотом честности оставался именно он...

В день рождения Лукаса и Энни, мы с Чарльзом запланировали кое-что невероятное. Прошлой ночью мы специально расставили запасы нашего дома так, чтобы в центре малюсенькой комнаты образовался круг. Кроме того, мы перенесли сюда все подушки, какие только удалось найти. Нас не должны были услышать. Как подсказывал мне опыт ночных визитов к Эбигейл в пансионате, подушки и матрасы были весьма неплохим средством. Поэтому, в этот раз я тоже решила ими воспользоваться.

Та ночь была первой, в которую мы с Чарльзом не переписывались. Несмотря на это, мне было хорошо. Я предвкушала грядущее развлечение. Молодой человек сказал, что раньше, когда мать близнецов отсутствовала дома, они устраивали вот такие ночные разговоры. И, в то же время, мне казалось, что я лишняя. Они казались такими дружными и счастливыми, будто все были от одних родителей. А я, помимо того, что ни разу не принимала участия в их «ритуалах», да ещё и была немой. Это удручало, но, всё же, радости было больше. Я хотела этого, я хотела быть с ними. Даже несмотря на то, что мне там было не место.

— Ты такая счастливая сегодня, — в свете наших ламп, улыбался Чарльз. Кажется, в последнее время улыбка и правда не сходила с его губ. — Сегодняшнее празднование было прескверным. Мы как всегда сидели и ели торт.

— «Дело не в праздновании», — я улыбнулась, будто заражаясь его хорошим настроением. На самом деле, вся наша затея, отдававшая тайной, о которой не знал никто, кроме нас четверых, одаривала огромной порцией счастья. Но почему-то мне казалось, что это только часть. Что же касалось остального, я не знала. Почему-то, несмотря на то, что, как обычно это бывало на дни рождения, днём мы собрались за одним столом и не делали ничего, кроме как ели торт и обсуждали планы на будущее и прочие глупости. Этот день был обычным, как и многие другие, разве что теперь Энни знакомила своих кукол с новыми «подружками», а Лукас заперся в своей комнате, но, по его мыслям, я знала наверняка: он игрался с новым поездом.

— Тебе понравится, — на одной из его щёк выступила ямочка. И в этот момент хотелось ему верить. Несмотря ни на что. Даже на то, что я не могу прочесть его мыслей. Почему-то он располагал к себе. В своей жизни я видела сотни таких, как он. Но тогда почему исключением стал именно он? Почему я так жду каждой ночи, когда очередное письмо «прилетит» ко мне в комнату и я прочитаю. И отвечу. Почему с ним так просто? Почему каждый его ответ — это радость для меня, а, когда вижу его счастливым, радуюсь за него и с ним?

Кто-то постучал в дверцу. Три размеренных стука, как мы и договаривались ещё с утра. И, как только Блэйк открыл, к нам, со всей радостью, которую только может доставлять ребёнку детство, буквально влетели близнецы.

— Чарли! Наконец-то! Я уж думал наш клуб больше никогда не соберётся! — чуть ли не кричал Лукас.

— Меня больше радует то, что я больше не единственная девочка в клубе, — Энни скрестила руки на груди. Затем, с каким-то взрослым, размеренным взглядом, она обратила внимание на меня. — Ох, эти двое — сплошной ад. Особенно когда начинают обсуждать

свои страшилки. Ужас!

— Сестричка, не занудничай! Тем более сегодня у нас церемония инициации, — мальчишка потёр руки и это заставило меня не на шутку разволноваться. Я не имею ни малейшего понятия о том, что это могло значить, но звучало вполне уверенно, устрашающе и официально.

— Ну что, начинаем? — из-за одной из подушек Чарльз достал что-то белёсое, какой-то свёрток, однако, что там было, я понять так и не смогла. Как на зло, ни у кого из близнецов ответа в мыслях я не нашла. И это пугало ещё сильнее. Потому что я прекрасно помнила те «потрясающие» моменты из первых дней моей жизни здесь.

— Леди Ленора Рассел, стань в центр нашего круга! — Лукас говорил это так серьёзно, но одновременно смешно, что я едва сдерживала смех. Понимая, что, скорее всего, это какая-то детская забава, я действительно встала в центр, ожидая, что же они сделают дальше.

А затем последовал весьма странный ритуал. Взяв по лампе в руки, все трое окружили меня и выстроились треугольником. Они напоминали светлячков, которые могли бы кружить вокруг ничего не осознающей меня.

— Леди Ленора Рассел, согласна ли ты стать частью нашего клуба "Чёрного угля"? Согласна ли ты хранить наши тайны, не разглашать наших замыслов вплоть до своей смерти? Согласна ли ты доверять нашему клубу также сильно, как доверяешь родным братьям и сёстрам? — Лукас вновь читал всё это уверенно. В любом случае, на словах о доверии я засомневалась и тут же обернулась к Чарльзу. Кажется, он не понимал, в чём здесь дело. Как и я. Я не знала, можно ли ему доверять. И, несмотря на то, что это всего лишь детское развлечение, вопрос заставил меня задуматься.

Однако, это всего лишь игра.

Поэтому я утвердительно, почти не замешкавшись, кивнула.

— В таком случае, Ленора Рассел, ты обязана довериться нам и сейчас, в первом твоём испытании, — теперь уже говорила Энни. Она казалась не такой серьёзной, но, всё-таки, от её голоса не хотелось смеяться так сильно. — Сейчас каждый из членов клуба изобразит на твоём лице то, что пожелает. Всё, что от тебя требуется — это мужественно продержаться до конца ритуала. Помни и о том, что ты сможешь посмотреть в зеркало лишь в конце вечера, когда вернёшься в свою комнату!

Я молча кивнула, понимая, что это всё едва ли отличается от того, чем мы с Гидеоном занимались в детстве. В этом во всём нет ничего плохого. Да и чем не развлечение: проходить вот так, изрисованной, весь оставшийся вечер. Принимая во внимание и то, что, думаю, ничего плохого не случится.

Первым ко мне направился Чарльз. Я услышала шелест бумаги. Из свёртка появился тёмный, грубый, гадкий...

Уголь?

Нет-нет, уголь это слишком. Как я буду отмываться? Как?! Нет, эта идея слишком опасна. Планов на следующий день у меня не было никаких, однако перспектива отмываться от этой красоты до утра, а, того лучше, весь день, не радовала меня никак.

— Не бойся. Отмоешься, — Будто прочитав мои мысли, сказал Чарли. Сомневаюсь, что это было чтение моих мыслей. Скорее так бы повела себя на моём месте любая леди, которой дорого её лицо.

Молодой человек нежно положил мне на щеку свою руку. Моя кожа была беззащитной,

поэтому тепло его пальцев прожигало меня насквозь. Мне было всё равно, что он мне нарисует. Я готова ко всему. Теперь — ко всему.

— «Думаешь, с большими бровями я смотрюсь лучше? — я почувствовала, как меж бровей он провёл кривоватую линию и просто не смогла удержаться от того, чтобы хоть что-то не ответить. Даже несмотря на то, что жестикулировать в такой ситуации было крайне неудобно.

— Лучше. Маску. Потому что у каждого чокнутого Джокера должна быть своя Харли, — Чарльз всматривался в эту черту, будто в своё лучшее произведение искусства. Но почему-то мне казалось, что это — мелочи. Он смотрит на мои губы. Как же неловко. Но как же хорошо. Он заставляет меня забыть даже о том, что я выгляжу смешно. Не просто «смешно», а «смешно потому, что так сделал он».

— С такой маской я бы ночью по дому не ходила, — я прочитала мысли Энни и поняла, что мои надежды на что-то романтическое рухнули. Этот молодой человек не меняется. И вместо мозгов у него — нотный лист! Так-то!

В скором времени, я была готова. Дольше всех возился Чарльз, а Энни, судя по всему, решила меня пожалеть и не дорисовывать лишнего. К концу этого ритуала, я готова была поспорить: моё лицо было в угле полностью.

— Теперь, как новый член клуба, ты обязана начать наш вечер, — всё также уверенно говорил Лукас, выравниваясь «по стойке смирно». — Но, в силу того, что говорить ты не можешь, за тебя должен поручиться... Тот, кто вступил в наш клуб до тебя!

— Эй, такого правила не было! — тут же возмутился Чарли. Скорее всего, он оказался тем самым человеком, который вступил в этот клуб до меня. Впрочем, я всё ещё не понимала, к чему он клонит. Мне нужно было что-то сказать? Рассказать? И почему этот молодой человек так не хочет этого?

— Правила клуба могут изменяться в зависимости от действий, происходящих в клубе и от членов клуба, — один из близнецов был категоричен.

— Ладно, хорошо. Только потому, что сегодня новым членом клуба стала Ленор, — Блэйк плюхнулся на один из приготовленных заранее мешков, по одну сторону от горевшей в центре свечи. Я заметила, что брат и сестра всё время держатся вместе, поэтому не придумала ничего лучше, кроме как сесть рядом с Чарльзом. И, к сожалению, нравится ему это или нет, я понять не могла. — Задавайте тему.

— Хочу про прекрасного принца! — тут же выкрикнула Энни, прижимая к себе невесть откуда взявшуюся куклу. Наверное, она пронесла её так, что мы даже не заметили этого.

— Девчонки! — Лукас раздражённо вздохнул. — Давай лучше о дворцовых интригах! И чтоб кто-то из персонажей пошёл на другого войной!

— Ну, почему у вас обоих сегодня день рождения? — весело заметил Чарльз, опираясь на мешок стоявший сзади. — Если бы у кого-то одного из вас, я бы сказал, что о том и расскажу. А сейчас я разрываюсь. У меня есть история и о прекрасном принце, и о дворцовых интригах.

— Ай, ладно, пусть будет прекрасный принц, — всё также рассерженно пробубнил Лукас. — Джентльмены должны пропускать дам вперёд.

— Спасибо! — не упустив куклу, Энни так радостно обняла брата, будто он собственноручно смастерил игрушку её мечты. Щекой она тёрлась о его волосы, а самому мальчишке, видимо, казалось, что от таких объятий он сейчас задохнётся.

— Итак, сказ о прекрасном принце! — Блэйк откашлялся и начал свой рассказ. —

Давным-давно в одном прекрасном королевстве, жил принц. Однако, он был не простым принцем — он был волшебником. Он мог проходить сквозь разные миры. И он побывал во многих, там и завёл себе много друзей. Но пришло ему время возвращаться во дворец, где его уже давным-давно ждали король и королева. Он был опечален, ведь в тех мирах, в которых он успел побывать, было так много интересного, а его дом остался прежним. Однако, оказалось, что во дворец приехал старый-добрый друг короля — король другого государства. Он решил навестить отца принца не один — вместе с ним приехала и его королева, и их дочь — прекрасная принцесса. Принцесса, в которую принц тут же влюбился. Конечно же, как и любой принц, он решил за ней ухаживать и узнать её лучше. Но как же это сделать? Ведь его родители всегда находятся рядом, а любимая и слушать его не хочет, ведь первая их встреча не задалась. Принц настолько нервничал, что у принцессы сложилось не лучшее первое впечатление.

Но он нашёл выход. Он начал писать ей письма. Он доставлял их сам и был рад, когда получал быстрый ответ. Он не знал, влюблена ли в него принцесса и разрешат ли им родители сыграть свадьбу, но его радовало то, что он может получать вот такие маленькие кусочки её внимания. Ему было дорого каждое её письмо, поэтому он хранил их все.

В скором времени, когда писем было уже достаточно, на него вдруг снизошла меланхолия. Он взял одно из писем, самое первое, и отправился с ним в сад, ведь он думал, что письмо любимой и такой прекрасный, пусть и осенний, сад, вдохновят его. Однако, не успел он прочитать и нескольких строк, как его окликнули. Ему нужно было бежать срочно, ведь с королевой что-то произошло. Он выронил письмо и поспешил к своей матушке, которая, как оказалось, проливали свои слёзы зря.

Принц не знал, чем это обернётся для него. В тот день, гулявшая рядом дочь прислуги, которая была влюблена в принца, забрала письмо. В ней вспыхнула ревность, она захотела разрушить ту хрупкую связь, что была между принцем и принцессой. Поэтому она, не теряя времени, в этот же вечер доставила письмо королеве. Та прогневалась на принца и принцессу, говоря, чтобы они держались друг от друга как можно дальше.

Однако, тогда принц решил на уловку. Он обнял свою принцессу и, выбежав с ней сад, открыл проход в один из тех миров, в котором у него были друзья. Один из них разрешил влюблённым жить у него столько, сколько потребуется. Но, всё же, родители обоих смирились с тем, что произошло и дали своё благословение на этот союз. С тех пор живут принц и принцесса душа в душу, а ревнивая прислуга была уволена сразу же после того, как принц взошёл на престол и стал королём... прежде всего для своей прин... королевы. Вот такая история. Надеюсь, клубу она понравилась.

— Да! — Энни хлопала в ладоши и её недовольно поддержал брат. Я же, поддаваясь общему импульсу, тоже похлопала, однако, на самом деле, задумалась. Неужели, он рассказал сейчас всю правду? Неужели этой сказкой он хотел рассказать мне о том, что на самом деле случилось тогда и почему наши записки оказались у Миллисент? Более того, неужели он сейчас рассказал о своих планах на своё... нет, наше будущее? Неужели я всё правильно поняла?

Однако почему он упомянул о других мирах?

Мне не было это ведомо.

Я понимала, что принц влюблён в принцессу.

И, кажется, принцесса наконец-то осознала то, что делало её счастливой именно в этот день. То, что всю ночь она должна провести с принцем. Принцем, в которого, что стало

открытием даже для неё самой, была влюблена...

После обеда, на следующий же день, наша семья как всегда собралась в саду, где уже было не так тепло. Я же прихватила с собой бумагу, дабы отправить ещё одно письмо. Все мы уже чувствовали приближение зимы, несмотря на то, что в прошлом году в это же время мы надевали слишком лёгкие пальто, а, когда приходило время игр с мячом, вообще их снимали. На этот раз я уже оделась в тёплую одежду с мехом. Всё же, я боялась заболеть. Хотя, кажется, тётушка уже успела что-то подхватить — она не выходила из своей комнаты весь день. К ней то и дело ходили слуги. Нас же Миллисент не пускала: Чарльза потому, что любила, а меня... потому, что, по её мыслям, скоро должен был приехать тот самый «сын Гарриет» и быть при нём простуженной не выгодно. На словах же она ответила, что тоже меня любит. Страшно представить, на что способен человек, который способен лгать даже в час болезни.

— Позвольте составить Вам компанию? — над моей головой раздался низкий голос, который я тут же узнала. Чарли. Он выглядел совершенно спокойно, будто это не его приёмную мать лечили всеми находящимися в доме средствами. Возможно, он просто скрывал свои мысли. Если бы я могла читать их, думаю, запуталась бы. Полагаю, как любящий воспитанник, он должен был волноваться. Впрочем, мне говорили, что с малых лет мужчин учат скрывать свои эмоции даже, если единственный способ устранить напряжение — это выплакаться и почувствовать себя слабым человеком, зависящим лишь от дурной судьбы, неудачи и любых других событий, но не от тебя самого.

В ответ я лишь отодвинулась, давая ему больше места.

— Благодарю, — он присел рядом со мной.

Кажется, никто из нас не был расположен к разговору. Ни единого его слова, ни единой мысли. Его голова всё также оставалась домом, защищённым от таких призраков как я. Но почему? Что за защита стоит на ней и как мне её взломать? Как мне узнать, что на самом деле в его мыслях, чувствах, ощущениях? Что он чувствовал тогда, когда поднял меня над землёй? Какие настоящие эмоции вызвало у него то, как он положил руку на моё лицо и смотрел лишь на губы? Ничего этого я не знаю. И не знаю, того, правильно ли поняла историю о принце. Но что, если всё это ложь? Как я могу ему доверять, если мне не за что зацепиться, кроме своей интуиции? Что, если он обманет меня даже несмотря на то, что сейчас выглядит настолько хорошим? Что, если он из тех, кто галантно ухаживает за леди, а потом бросает её, или, того хуже, может перед этим обесчестить? Я не знаю правды, потому что не знаю его мыслей.

Никто не хочет быть обманутым.

Я слышала угнетающую тишину, заставлявшую меня всё глубже и глубже улетать в свои мысли. Это мне не нравилось. Чем больше я пыталась разобраться в том, что на самом деле чувствует ко мне Чарльз — тем больше уходила в состояние собственной беспомощности.

— Чарльз? — я слегка толкнула его плечом, чтобы он обратил на меня внимание. Затем, пододвинула к себе бумагу и стала быстро писать, так как понятия не имела о том, как сказать придуманное на языке жестов. Если не сейчас — то никогда. Я слишком сильно переживала по этому поводу. Иногда человеку нужно выговориться. Иногда ему нужно высказать то, что не высказано. — «Чарльз, что такое баскетбол?»

Записка тут же оказалась у него. За её шелестом последовала тишина. И я расценивала это как затишье перед бурей. Он может рассердиться. Он же не может всегда быть радостным, или, во всяком случае, спокойным. Он должен был как-то отреагировать на то, что я прочитала то, чего читать не должна была. Это была его тайна, которую, судя по всему, открывать мне он не хотел.

— Ты всё-таки прочитала? — наконец, молодой человек задал этот вопрос, который на деле оказался чисто риторическим. Но в его тоне не было ничего осуждающего или злого.

— Хоть что-то из твоих мыслей, — пронеслось у меня в голове.

— Мне нужно было одёрнуть себя вовремя и вести себя правильно, как ведут себя здесь, — продолжил он и я снова напряглась. В некоторых наших разговорах он то и дело употреблял «здесь» так, будто он родился где-то в Индии, где вместо того, чтобы подать леди руку, нужно ухватить её за талию, а вместо традиционных игр играют в какой-то... баскетбол.

— «Здесь?», — я тут же схватилась за нить разговора, делая вид, что сильно удивлена и слышу впервые.

— Да. Я имел в виду в этом доме. Знаешь... Знаете, когда мой отец ещё не умер, он позволял мне больше. А потом, когда его не стало на этом свете, под своё крыло меня взяла госпожа Гест и с тех пор я обязан быть образцовым джентльменом. И мне не хватает той свободы, которая была дарована мне отцом.

— «Это не правда», — заключила я, абсолютно правдиво говоря то, о чём я думала. Тон его слов слишком сильно различался, и я чувствовала, что он лжет и дело не в том, что он мечтал о свободе. Конечно, зная тётку, я могла и правда посочувствовать, и принять это за правду, которой эти слова скорее всего, и были. Но не в этот раз. В этот раз он мне врал. — «Не рассказывай мне невероятных историй».

— Вы прозорливы, — он сдался. Но... почему так быстро? Я думала, он будет упираться и мне никогда его не раскусить. Он хочет раскрыть передо мной правду? — Однако, этого пока что вам знать не стоит.

Он поднялся и уже хотел уходить, но я успела его остановить, схватив за рукав. Мне не нравилось то, что он уходил от ответа. Почему сейчас, когда я так близка к ответам на свои вопросы, он гонит меня прочь? Ещё один вопрос к сотням других. Однако, я найду ответы.

— «Не стоит знать?» — я взбесилась, поэтому вновь жестикулировала, не зная, понимал ли он меня и успевал ли переводить. — «Почему ты говоришь так всегда? Ты увливаешь от ответа, оставляя меня в интриге и понимаешь, что рано или поздно, ответ я узнаю. И если ты думаешь, что у меня это вызывает благоговенный трепет как у девушки, открывающей романтическую тайну своего суженого, то ты ошибаешься. Вместо этого я чувствую всё больше и больше сомнений. Потому что я не знаю, стоит ли тебе доверять. У меня нет никаких доказательств того, что ты не лжёшь и всё больше уверенности в противоположном. Я не знаю, как мне поступать», — я чувствовала, как на моих глазах стали появляться слёзы, и я вот-вот расплачусь. Перед кем? Перед человеком, которому не могу до конца доверять. Но, несмотря ни на что, он развернулся, всматриваясь в мои глаза. — «Сначала ты делаешь что-то, с помощью чего я убеждаюсь в том, что могу довериться, однако потом... потом происходит что-то такое, что заставляет меня отвернуться. Я чувствую, что ты что-то скрываешь и я не могу поверить тебе до того момента, пока не узнаю, что это за тайна. Ты знаешь многое обо мне, но, как выясняется сейчас, своими тайнами делиться не намерен».

Я закрыла глаза, позволяя слезам сорваться с ресниц на щёки. Я пыталась не дышать

глубоко, но та свобода, которую я получила, рассказав обо всём, не дала мне другого выбора. Я чувствовала, что свободна и мне больше не нужно строить бессмысленных догадок о том, кто он и что скрывает. Теперь я была свободна.

Безмятежное чувство, о котором я так мечтала, прервало другое, более странное и совсем неизвестное. Его источником стал Чарльз — не боясь ничего, даже возможных взглядов тётушкиной прислуги, он ринулся ко мне. Он поцеловал меня, едва касаясь моих губ своими. Это — водоворот всевозможных мыслей, который я не в силах остановить, когда столь сильные, едва осознанные ощущения, одолевали меня. Я чувствовала, как его губы обжигают мои сильнее, чем его руки всего лишь вчера.

Как мало нужно, чтобы меня сжечь.

Как мало нужно, чтобы меня уничтожить.

— Если я расскажу, то ты подумаешь, что я безумец, — он шептал это тихо, будто не хотел, чтобы это услышал кто-то, кроме меня. Однако, после даже такого лёгкого поцелуя, на всю округу можно было трубить о чём угодно. Потому что о том, что произошло, тётушка узнает в любом случае.

— «Говори», — жестикулировала я, чувствуя, как он с неохотой отстраняется.

— Ты не хотела, чтобы я рассказывал тебе невероятные истории, — он смотрел на меня виновато, будто тихо извиняясь за то, что без моего разрешения перешёл на «ты» и за то, что так долго что-то скрывал. — Но... Что, если я скажу, что это тело — не моё?

— «О чём ты?», — я и правда не понимала, о чём он говорил. Неужели, мистика? Хотя... О том, что в нашей жизни не существует мистики думает та, что умеет читать мысли. — «Наши тела принадлежат... нам самим».

— Нет, нет, ты неправильно поняла. Знаешь... Ты удивишься и даже не поверишь, но... Я из другого века. И сейчас я расскажу тебе совсем невероятную вещь. Я из будущего. Из двадцать первого века. Века, где девушки не капризничают и не думают, что мужчины посягнули на их непорочность, если те просто взяли их за талию только для того, чтобы опустить или поднять. Века, где мы верим только лишь в то, во что хотим сами. Века, в котором собственную судьбу решаем мы сами. Века, где есть такая прекрасная игра, как баскетбол.

— «Это звучит как история писателя эпохи романтизма», — ответила ему я. Всё это и правда звучало не убедительно. Но, всё же, его голос ни разу не дрогнул. Мне казалось, он говорил правду. Или же он лишь хотел, чтобы я поверила? В любом случае, у меня появлялось только больше вопросов.

— Я знаю, знаю. Но... Несколько лет назад я был лишь учёным в месте под названием Безвременье. Я был... Вечным учёным. Вечные — это люди, которые могут перемещаться между эпохами. Окончив Академию Времени, я занялся экспериментами, особенно я решил остановиться на путешествии с помощью переселения душ. Обычно, Вечные проходят сквозь порталы используя свои тела, но что... что, если переселить душу в другое тело? Мне нравилось это. Я отдавался этому занятию. Остальное время же тратил на то, чтобы играть на рояле. Но однажды... Однажды я так долго занимался исследованием, что буквально заснул в лаборатории и проснулся уже в теле восемнадцатилетнего парня, который оказался сыном дворецкого, которого миссис Гест взяла на воспитание и который, оказывается, учится на юриста. Как оказалось, знания об этой эпохе мнегодились в полной мере и теперь я учусь намного лучше. Я проснулся совсем другим человеком. Я чувствовал себя собой, со своим духом, знаниями, навыками, но... Но это тело всё равно до сих пор иногда

навязывает мне свои мысли. И я не знаю почему. Я пытаюсь бороться с ними, быть настоящим собой, без каких-либо чужих мыслей, но не могу. Я пребываю в состоянии постоянной борьбы. Иногда мне кажется, что некоторые поступки делаю не я. Но, всё же, я борюсь. Со своим новым телом, со своими мыслями. И как вернуться назад, в Безвременье, я не знаю. Теперь ты в праве увезти меня в дом для душевно больных. И такой безумец больше никогда не встретится на твоём пути.

— «Так вот почему я не могу прочитать твои мысли!», — я стала жестикулировать, не разбирая того, что пытаюсь показать. Кажется, в приступе радости и, пусть даже какого-то мифического ответа на свой вопрос, я не могла сдерживаться. Я раскрыла ему свою тайну. Впрочем, всё это можно было с лёгкостью списать на... Что угодно. В любом случае, я получила ответ. Пусть и необычный и не проверяемый в реальности, но всё же ответ.

— Ты... Ты умеешь читать мысли? — он был удивлён, но, всё же, не отпрянул. Наверное, он имел дело с такими, как я. Иначе как объяснить то, что он не отодвинулся от меня и не отстранился. Когда я сказала о своих способностях одной из девочек на свадьбе моего дядюшки, она сказала, чтобы я не врала. Но, когда я прочитала её мысли, она отодвинулась и назвала это дьявольским даром. Возможно и так. В любом случае, больше никому я о своих способностях рассказать не рисковала. Люди тоже не поймут. Они отреагируют так же, как и она. Так я думала всегда. И вот теперь передо мной стоял человек, которого это не испугало. Такой поворот событий заставил меня вздохнуть и не пытаться что-то утаить.

Даже если тётушка об этом узнает, Чарльз ничего не сможет доказать.

— «Да, умею. Но, увы, на тебе этого показать не смогу», — ещё один вздох с моей стороны. Как же необычно говорить об этом кому-то. — «Просто поверь мне на слово».

Между нами вновь повисла тишина. Но для меня она уже не казалась настолько мучительной. Скорее, моя голова раскалывалась от того, сколько всего на меня свалилось так внезапно и так незаметно.

— Мистер Блэйк, мистер Блэйк! — к нам мчался мужчина лет тридцати на вид. В руках он держал два письма.

Человек был мне незнакомым и бежал так быстро, я не успевала прочитать его мысли. В его голове была одна спешка. Кажется, эти письма были слишком важными, чтобы откладывать их прочтение в долгий ящик.

— Что произошло, Оскар? — кажется, Чарли был в курсе, что это за мужчина. Впрочем, кажется, письма были адресованы не мне, поэтому для меня предназначался лишь кивок незнакомца.

— Вам письмо от профессора Блэквуда. — пытаюсь отдышаться, Оскар протянул молодому человеку немного помятое письмо с печатью.

— Благодарю, — Блэйк принялся вскрывать его. Мужчина же побежал назад. Из его мыслей я поняла, что второе письмо предназначалось Миллисент.

— Кому-то что-то от неё понадобилось? — вопрос возник в голове сам собой, ведь тётушка была не в тех годах, чтобы светской пташкой порхать от приёма к приёму. Всё, что ей могло прийти — это приглашение на какое-нибудь тихое чаепитие от какой-нибудь из подруг. Но это никогда не требовало такой срочности. Впрочем, Оскар не знал, что находилось в запечатанном конверте, поэтому я перестала читать его мысли.

— Да! — Чарльз закричал так громко, что с голого осеннего дерева слетели несколько сидевших там ворон. — Ленор, ты не поверишь, что здесь! Профессор Блэквуд одобрил мою

кандидатуру! Теперь я смогу работать у него. Даже сейчас, когда не закончил университет!

Он искренне радовался тому, что происходило в его жизни. Несмотря на то, что я не знала, кто такой профессор Блэквуд и почему Чарльзу так важно место около него, Блэйк с неподдельным чувством абсолютного счастья в глазах, обнял меня. Я почувствовала, как его кожа коснулась моего виска, оставляя небольшую солёную каплю. Мне оставалось лишь обнять его в ответ. Что бы за место это ни было, он хотел этого и он это получил. Стало быть, конкурентов у него было много и ему удалось обойти всех. Или же он просто слишком сильно хотел работать с этим профессором. Так или иначе, для него это счастье. И всё, что я могу сделать после того разговора, который между нами сегодня состоялся — это радоваться вместе с ним.

— «Поздравляю», — я улыбалась, подхватывая волну его радости.

Однако, я почувствовала чьи-то мысли. Они были гонимы спешкой также, как и мысли Оскара. Оглянувшись, тут же заметила тётушку. Она бежала к нам. Несмотря на все правила этикета, она бежала к нам в своей ночной рубашке, в домашней обуви и с распущенными волосами. Я видела в ней больного человека, который слёг в постель на несколько дней, а то и недель. Но в тот момент она так быстро бежала к нам, что, наверное, не чувствовала ни ног, ни усталости. Всё, что её беспокоило — это письмо, которое она держала в руке.

— Госпожа Гест, почему вы встали с постели? Вы могли бы позвать прислугу и я бы тут же примчался к вам, на ваш зов. Вам не стоило подниматься! — несмотря ни на что, он всё равно заботился о ней. Я лишь думала о том, что хорошо, что она не застала нас вместе с ним. Потому что чувство любви к ней мне не ведомо.

— Чарльз, нет времени лежать и болеть! — она была категорична, хоть её голос и был наполнен отдышкой. — Нам нужно ехать! Бернарда отправляют в долговую тюрьму!

8. Брат

Чарльза не было уже третий день. Вместе с ним уехала и тётушка. Конечно же, я не могла не переживать за Блэйка. После того, что произошло между нами, я не знала, как мне реагировать. С одной стороны, верить не хотелось, ведь это не больше, чем мистика. Это может быть выдумкой. Гость из будущего? Это было странным даже по звучанию. И проверить это, я, к сожалению, не смогу. Равно как и он то, что я умею читать мысли. В любом случае, не мне отрицать присутствие магии в нашей повседневной жизни. Потому, что я сама часть всего этого. И если раньше я ходила в церковь каждый день, вымаливая у Бога прощение, то в скором времени поняла: мне нужен этот дар. Поэтому я стала ограничиваться лишь походами в церковь по воскресеньям и молитвами утром и вечером. Но теперь я готова была возобновить эту традицию. Только бы Чарли вернулся как можно быстрее.

— Нора, — Лукас, лениво игравший в гостиной со своим поездом, быстро подполз ко мне. Рядом со мной оказалась и Энни, с уже принесённой бумагой. Кажется, они хотели со мной поговорить. Увы, они не знали языка жестов, поэтому объясняться с ними было достаточно сложно.

— Мы уже не маленькие и понимаем, что происходит, — девочка уверенно поставила на столик передо мной все нужные мне принадлежности. — Мы понимаем, что папу могут посадить за то, что у него много долгов.

— Ага, — мальчишка кивнул. — Я от Руфуса слышал, что тех, у кого много долгов, сажают в долговую яму. И они будут там сидеть до тех пор, пока не выплатят всё. Это правда?

— Нора, что сделал папа, чтобы его посадили? — Энни будто не слушала своего брата.

Я слотнула, пытаясь подобрать правильные слова. Стоит ли рассказывать им правду? Не слишком ли они для этого малы? Я понимала, что они уже осведомлены о том, что такое азартные игры. Но как они будут относиться к своему отцу после того, как узнают, что он брал в долг только ради этого? Теперь, после того письма, я знала, что его дело было на грани закрытия и, если нужные люди выкупят остатки грандиозных планов, то он вполне мог бы заработать хотя бы на половину той суммы, которую людям он отдать пока не мог. И всё же... Стоит ли об этом знать детям? Если они будут в курсе того, чем промышляет их отец, в будущем они будут относиться к нему как к тряпке, у которой нет силы воли, чтобы противостоять своему азарту.

Но если я скажу им, что их отец попал в тюрьму в последствии обстоятельств и только лишь их, я стану лгуней. А я ненавижу лгунов. Тем более, мне пришлось бы врать детям. Мне не хотелось этого делать. Я должна была соврать не просто детям, а своим собственным кузенам. Пусть мы и были не слишком близки и в последний раз я видела их семь лет назад, когда наши семьи решили отмечать Рождество вместе, всё равно мне не льстил тот факт, что в первую очередь я обманываю членов семьи. Членов семьи, которые могут с лёгкостью поверить и пойти у меня на поводу. Энни и Лукас — это не тётушка, которая не питала ко мне особо нежных чувств. Они не виноваты в том, что их отец стал таким.

— «Ваш отец...», — я долго мяла в руке перо, не зная, как правильнее написать. Ложь — худшее, что в этой ситуации можно использовать. — «... он взял денег в банке для того,

чтобы поправить свои дела, но, в конечном итоге, прогорел и теперь вынужден сидеть в долговой яме».

Я понимала, что нужно выражаться как можно деликатнее. Это была сушая правда: однажды Бернард действительно взял кредит для того, чтобы наладить дела, а именно — выплатить старые долги, надевая на себя фрак из новых. В любом случае, в тот момент это был самый лучший вариант из всех. Я не сделаю из их отца героя — это будет настоящим обманом. Но и всей правды я им раскрыть не смогу.

Мне довелось снова прочитать мысли Лукаса, чтобы понять, как он воспринял сказанное мной. Всё хорошо. Он пытался обдумать происходящее, но, всё же, ненависти не было. По сути всё, что вертелось в его мыслях — это чтобы отец как можно быстрее вернулся домой. Я бы хотела того же. Чтобы мой отец тоже распахнул дверь, стоял на пороге, а я, будто маленькая девочка, кинулась к нему на шею и обнимала бы до удушья. Он бы помог мне советом или простым разговором. Он бы помог мне своими мыслями, наталкивая меня на собственные, правильные.

Однако, дверь распахнул не мой умерший отец и даже не Бернард. На пороге показался Чарльз. Он вошёл в дом с опечаленным лицом. В такой тоске я не видела его ещё никогда. Несколько дней назад он готов был взлететь на крыльях счастья из-за той работы, которую получил. Прошедший же в дом молодой человек оставил всю свою надежду далеко позади, за дверью этого жилища.

Не придумав ничего лучше, понимая, что соскучилась за ним и волновалась намного больше, чем даже за судьбу собственного дома, я прижалась к нему, как и несколько дней назад. Может, ему так станет легче? Может, это хоть немного поднимет ему настроение? Мне всегда помогали подобные жесты. Да, я не из тех, кто обнимает каждого встречного и плачется в жилетку каждого нового знакомого, но всё же бывали времена, когда я приходила к некоторым подругам и заливала слезами все их платья. А потом они обнимали меня. Тогда мне становилось лучше.

— Нора, у нас нет времени на сентименты. Мы должны рассказать тебе кое-что важное, — я посмотрела за плечо Чарльза и заметила на пороге брата. Гидеон смотрел на меня с таким серьёзным видом, какой только мог себе позволить. В какой-то момент он напомнил мне отца: он также держал трость, также говорил и также ставил руки, когда дело доходило до чего-то важного.

— Нам нужно пройти в кабинет госпожи, — Блэйк отпрянул от меня, холодно намекая на то, что всё происходящее мне объяснят именно там.

Не теряя ни минуты, под пристальным взглядом близнецов, я отправилась за ними. Мне не было понятно, почему к нам в дом пожаловал брат, почему они с этим молодым человеком заодно и почему рядом с ними нет тётушки, которая, к тому же, уезжала в прескверном состоянии.

— Предупреждаю: я приехал сюда не для семейного чаепития, — Део закрыл за собой дверь, намекая на то, что разговор будет не только важным, но и лишённым всех дружественных черт общения. Стало быть, мне нужно было переходить на официальный язык и больше не называть Чарли на «ты» даже в голове?

— Когда мы были в городе, я заметил этого нотариуса, — молодой человек уселся в кресле и я поняла, что история будет долгой. Он к чему-то меня готовил. Вот только к чему? Его мысли были для меня настоящей тьмой, сквозь которую я пробраться не могла. — Путём нехитрых расчётов, я понял, что вывеска на улице принадлежала именно твоему брату. Тогда

я подумал, что, в случае, если что-то со мной произойдёт, я смогу обратиться к нему, так как этот человек проверен. Однако, это лирика. Несколько дней назад госпоже Гест пришло письмо о том, что господина Геста забирают в долговую тюрьму. Мне пришлось тут же отвезти её в город, дабы она убедилась в этом и поняла, что ей стоит сделать, чтобы вытащить оттуда своего мужа. В конечном итоге, Фаддей стал возить её по её подругам, чтобы хоть кто-то одолжил ей хоть какую-нибудь сумму.

— Чарльз же обратился ко мне, — мой брат перехватил нить повествования. Кажется, именно в его части повествования крылась самая интересная информация. — Он понял, что теперь, когда наша тётушка ради своего любимого мужа готова даже пойти на самую ужасную работу, если достаточно денег с подруг собрать не удастся, ты и близнецы останетесь на произвол судьбы. Вы не сможете обеспечивать себе жизнь в этом доме и вам также придётся работать на чёрной работе, чего я допустить не могу. Я не представлял, что дело зайдёт настолько далеко. Когда ты приехала ко мне, я думал, что ближайшие полгода-год всё будет спокойно и Бернард продержится на плаву, но увы. Теперь тебя и близнецов под свой контроль возьму я. Я решил, что мы с Шарлоттой и Николасом переезжаем в этот дом. Это поместье находится ближе к городу. К тому же, это наш с тобой родной дом. Но наша жизнь здесь продлится лишь до того момента, пока Бернард не выплатит долги и близнецы не будут нуждаться в моей помощи, — на его лицо появилась радостная улыбка, будто он собирался сыграть свадьбу со своей женой по-новой. — Потому что, кажется, тебе уже помощь, и не только материальная, не нужна. Кое-кто, чья фамилия не так знатна, однако, новая должность вполне позволяет, поручился покрывать часть твоих расходов. Но, что-то мне подсказывает, что это едва ли последнее, на что он решится ради тебя. И, на твоём месте, *sur**, такого шанса судьбы я не упускал.

— Не упущу, — я помогала головой, чувствуя, как рука Чарли легла на мою талию. За окном кабинета белели снежинки, возвещавшие о первом снеге в этом году. Говорят, именно такой, первый, означает чистоту намерений. И теперь я понимала, что Чарльз не обманет. Не думаю, что кто-либо ещё, кроме моего брата или отца, добровольно решился бы отдавать часть своего кровного заработка ради того, чтобы содержать меня. Он же решился на это сам, отыскав моего брата и позаботившись о том, чтобы я не осталась одна. Брат сказал, что Чарльз хорош. Я не знаю, что он сказал ему и каким образом, не читая мыслей, мой брат это почувствовал. Мне не ведомо, почему они так быстро перешли на обращение по имени, забывая о приставках «мистер». Однако, к числу тех, кто мог подарить мне не только материальное благополучие, но и то, чего раньше не дарил никто, присоединился и Чарльз Блэйк. И теперь мне всё равно. Мне всё равно, что это тело не принадлежит ему, что на самом деле он из будущего или что его мысли для меня — непроглядная тьма, в которой я не могу пробить ни лучика солнца. Я чувствую, что он со мной. И все мои сомнения — это то, от чего мне придётся избавиться. Потому что иногда людям нужно доверять. Иначе этот мир, повязший в бескраем болоте безумия и лицемерия, станет и вашим болотом в том числе...

Больше книг на сайте - Knigolub.net